

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 2 (14), 2018

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2018

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 2 (14), 2018

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 2 (14), 2018

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Lelis E.I.
THE CONCEPT OF *PATRIOTISM* IN CONTEMPORARY RUSSIAN
LINGUISTIC CULTURE: THE ACQUIRED AND AGAIN LOST SEME 8

Porechenkova E.A.
WHAT PHILOLOGY IS AND WHO PHILOLOGISTS ARE 11

Khalmuratov I.O.
KAZAKH ETHNONYMS IN KARAKALPAKSTAN 16

Szafernakier-Świrko A.
ON THE ROLE OF RUSSIAN PRECEDENTED
ANTHROPONYMS IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING..... 18

Literary Studies

Bukhreyeva E.A., Kuzmina O.V.
TEXT AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF INTERPRETATION:
THE BACKGROUND AND PRACTICAL PARALLELS WITH THE CREATIVE
METHOD OF WRITER-DIRECTOR'S WORK OF FESTIVE FORMS OF CULTURE 23

Journalism

Khrushcheva D.
RUSSIAN-SPEAKING SOCIAL MEDIA:
CHARACTERISTICS OF FORMATS AND HISTORICAL CONTEXT 26

Linguistics

Biernacka A.
ACCURACY IN COURT INTERPRETING 31

Volova V.M.
THE ANTHROPONYMS AS A PART
OF FIGURATIVE COMPARISON IN ENGLISH-SPEAKING
PUBLICISTIC TEXTS OF PERIODICALS OF GREAT BRITAIN AND THE USA 39

Rzayeva A.M.
THE ROLE OF PSYCHOLINGUISTICS IN LEARNING FOREIGN LANGUAGE 42

Germanic Languages

Volkova V.Ya., Hrapchenkova I.I.
THE LANGUAGE CULTURE-SPECIFIC ELEMENTS
OF THE PSKOV SCHOOL OF ARCHITECTURE IN THE TRANSLATION INTO GERMAN 46

Datsko D.A.
THE GENRE ASPECT ACTUALIZATION OF NETWORK POETRY 52

Kazantseva O.A.
THE FEATURES OF FORMAL ASSIMILATION
OF ARABISMS IN MODERN ENGLISH (ON MATERIAL
OF CULINARY TERMS IN THE NOVEL *THE KITE RUNNER* BY H. HOSSEINI)..... 55

Osetrova M.O.
EVALUATION CATEGORY AS A METHOD OF PERSUASION
IN LEGAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF CLOSING ARGUMENTS FOR DEFENSE)..... 58

Prirodina U.P.
NEW OPPORTUNITIES FOR NAME CREATION IN SWEDISH CULTURE..... 61

Latin Languages

Basova E.A.
THE INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS
ON FEATURES OF THE FRENCH SPOKEN LANGUAGE 64

Languages of Peoples of European, Asian, African countries, Aborigines of America and Australia

Kirillova O.O.
TOPONYMIC DIVERSITY OF AUSTRALIAN CONTINENT 68

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Лелис Е.И.
 КОНЦЕПТ ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
 ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ПРИОБРЕТЕННАЯ И ВНОВЬ УТРАЧЕННАЯ СЕМА 8

Пореченкова Е.А.
 ЧТО ТАКОЕ ФИЛОЛОГИЯ И КТО ТАКИЕ ФИЛОЛОГИ..... 11

Халмуратов И.О.
 КАЗАХСКИЕ ЭТНОНИМЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАКАЛПАКСТАНА..... 16

Шафернакер-Свирко А.
 О РОЛИ РУССКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
 АНТРОПОНИМОВ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА 18

Литературоведение

Бухреева Е.А., Кузьмина О.В.
 ТЕКСТ КАК ПЕРВООСНОВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА
 И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ С ТВОРЧЕСКИМ МЕТОДОМ РАБОТЫ
 СЦЕНАРИСТА-РЕЖИССЕРА ПРАЗДНИЧНЫХ ФОРМ КУЛЬТУРЫ 23

Журналистика

Хрущева Д.
 РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА:
 ОСОБЕННОСТИ ФОРМАТОВ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ 26

Языкознание

Бернацкая А.
 ТОЧНОСТЬ В СУДЕБНОМ ПЕРЕВОДЕ..... 31

Волова В.М.
 АНТРОПОНИМЫ В СОСТАВЕ ОБРАЗНОГО СРАВНЕНИЯ
 В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
 ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США 39

Рзаева А.М.
 РОЛЬ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 42

Германские языки

Волкова В.Я., Храпченкова И.И.
 ЯЗЫКОВЫЕ РЕАЛИИ ПСКОВСКОЙ
 ШКОЛЫ АРХИТЕКТУРЫ В ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК 46

Дацко Д.А.
 АКТУАЛИЗАЦИЯ ЖАНРОВОГО АСПЕКТА СЕТЕВОЙ ПОЭЗИИ..... 52

Казанцева О.А.
ОСОБЕННОСТИ ФОРМАЛЬНОЙ АССИМИЛЯЦИИ АРАБИЗМОВ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
КУЛИНАРОНИМОВ В РОМАНЕ Х. ХОССЕЙНИ «БЕГУЩИЙ ЗА ВЕТРОМ») 55

Осетрова М.О.
КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ КАК СПОСОБ УБЕЖДЕНИЯ В СУДЕБНОМ
ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ CLOSING ARGUMENTS FOR DEFENSE) 58

Природина У.П.
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИМЯТВОРЧЕСТВА В ШВЕДСКОЙ КУЛЬТУРЕ 61

Романские языки

Басова Е.А.
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ
НА ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ 64

Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии

Кириллова О.О.
ТОПОНИМИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ АВСТРАЛИЙСКОГО КОНТИНЕНТА 68

Philological sciences
Филологические науки

УДК 81.39

**КОНЦЕПТ ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ПРИОБРЕТЕННАЯ И ВНОВЬ УТРАЧЕННАЯ СЕМА**

Е.И. Лелис, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Россия

***Аннотация.** Анализируется активно используемое в современных средствах массовой коммуникации лингвокультурологическое понятие «патриотизм»: рассмотрены его интеллектуально-эмоциональная, ментальная и волевая составляющие, отмечены особенности лексикографической репрезентации и динамический характер семантической структуры, в которой на протяжении последнего времени наблюдается смещение смысловых доминант. Такой анализ дает возможность наметить важный вектор духовно-нравственной работы с молодежью.*

***Ключевые слова:** патриотизм, лингвокультурологическое понятие, семантическая структура слова, сема, смысловая доминанта.*

В содержательном объеме лингвокультурологического понятия *патриотизм* сегодня наблюдается некоторая размытость, обусловленная накопившимися в нём смысловыми приращениями, пока не отражёнными в лексикографической практике. Словари определяют патриотизм чаще всего как любовь к Родине, привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям. Это определение фиксирует эмоциональную составляющую патриотизма, но не менее важна её ментальная (сознательная мировоззренческая убежденность в своей позиции) и волевая стороны (готовность совершить поступок во имя своей страны без расчета на выгоду). Триединство интеллекта, чувств и воли – залог душевного здоровья индивида и нации. Очень важно сохранение и укрепление единства между элементами этой триады. Иначе патриотизм будет ущербным – или слепым и фанатическим, или мечтательным и пассивным, или чисто рациональным, холодным.

Для подтверждения неоднозначности понимания сегодня слова *патриотизм* приведем некоторые из его лексикографических толкований. Патриотизм – это «любовь, преданность и привязанность к отечеству, своему народу» [1, С. 630]; – «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [7, С. 617]; – 1) «любовь к своему отечеству, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины; 2) (разг.) преданность чему-л., горячая любовь к чему-л.» [3]; – «любовь к родине, привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям» [4, С. 519].

Необходимо заметить, что в сознании носителей русского языка и в классической русской литературе на протяжении долгого времени понятие *патриотизм* фиксировало себя через призму бинарной конструкции: *истинность* и *ложность* (ярче всего эта бинарность проявила себя в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»). Истинный патриотизм, по Л.Н. Толстому, предполагает *добросовестность, терпение, стойкость, убежденность, самопожертвование*, в основе которых *вера, «любовь к отеческим гробам», незыблемость культурной традиции*. Народ патриотичен а priori. Категорию ложности, по Л.Н. Толстому, представляют те, кто не готов пожертвовать ради своей Родины ничем: ни благополучием, ни жизнью.

Однако в произведениях многих отечественных поэтов и писателей XX в., которые долгое время находились под запретом (А. Ахматова, В. Гроссман, А. Солженицын, В. Некрасов, Б. Пастернак, О. Мандельштам и др.), обнаруживаются новые, дополнительные смыслы, обогатившие содержательный объем концепта *патриотизм* в результате череды трагических событий, произошедших как в судьбе каждого из них, так и в судьбе России. Анализ смысловых сдвигов в концепте *патриотизм*, обусловленных этим фоновым контекстом, посвящено исследование Н.Е. Мишиной, В.Е. Мишиной и В.Б. Крячко [5]. В середине XX в. в концепте *патриотизм*, как справедливо указывают авторы исследования, стала просматриваться ранее не столь очевидная, но, вероятно, подспудно всегда существовавшая сема: *связь судьбы художника (и шире – любого человека) с судьбой Родины*.

К сожалению, эта сема современной молодежи не воспринимается как неотъемлемая составляющая концепта *патриотизм*. Молодежь всё чаще оглядывается на Запад. Безусловно, это не вина подростков, здесь – исторически сложившийся дефицит осмысления «своего, российского, русского» и ложная скромность или стыдливое молчание со стороны старших поколений, на долю которых выпали трудные годы крушения

Советского Союза, с его идеологией, общественным устоем и нравственными ценностями.

Представляется, что для воспитания у современной молодежи чувства патриотизма напоминание об этой, возникшей в XX веке теме концепта *патриотизм – связь судьбы человека и судьбы его Родины – может играть большую роль*. Вся отечественная литература, славная история нашей страны – в помощь. Можно найти сотни, если не тысячи афоризмов и высказываний, принадлежащих таким людям, как Николай Карамзин, Александр Пушкин, Виссарион Белинский, Лев Толстой, Федор Достоевский, Николай Лесков, Александр Островский, Антон Чехов, Дмитрий Менделеев, Николай Бердяев, Иван Ильин, Владимир Вернадский, Петр Капица и множество других имен, свидетельствующих, что лучшие люди России жили, мыслили и творили в парадигме устойчивого патриотического мировоззрения, хотя иногда имели к государству достаточно серьезные претензии. Искреннее и глубокое чувство глубокой привязанности к Родине, страдающей и гордой, несчастной и великой, всегда было основополагающим компонентом нашей ментальности. Вспомним, например, есенинские поэтические строки:

Если крикнет рать святая:
«Брось ты Русь! Живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая.
Дайте родину мою» [2, С. 36].

Патриотизм по-прежнему входит в число основных жизненных ценностей жителей России и занимает почетное четвертое место. Среди основных жизненных ценностей первые три места делят другие факторы: семья, дети, дом (их важность для себя отметили 95 % опрошенных россиян), душевный комфорт (92 %), материальное благополучие (88 %). Наши соотечественники считают, что патриотизм проявляется в хорошем воспитании детей (50 %), почитании традиций (47 %) и профессиональной самоотдаче (30 %). Жители России почти не связывают проявлением истинного патриотизма участие в работе организаций, называющих себя патриотическими (12 %).

Нужно ещё и ещё раз напоминать молодежи, что кредо русской культуры – это справедливость, любовь, общинность, самопожертвование, творчество, способность к мобилизации, сила духа, умение победить не только внешнего врага, но и внутреннего – в виде соблазнов потребительства, пошлости и ненависти. Но самое главное – это ощущение неразрывной связи человека с его Родиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка: под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: АСТ; Астрель, 2009. 1268 с.
2. Есенин, С.А. Гой ты, Русь, моя родная. Собрание сочинений. Том 1. – М: Художественная литература, 1966. – 384 с.
3. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. – М.: АСТ; Астрель; Харвест, 2006. – Т. 2. – 1168 с.
4. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1995. – 895 с.
5. Мишина, Н.Е. Концепт «патриотизм» в русской лингвокультуре: смысловые противоречия и приращения. / Н.Е. Мишина, В.Е. Мишина, В.Б. Крячко // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 8 (75). – С. 109–111.
6. Статистика по патриотизму в России // Информационно-тематический портал «Обозник»: история тыла российской армии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oboznik.ru/?p=50329> (Дата обращения: 15.01.2018).
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

Материал поступил в редакцию 28.02.18.

**THE CONCEPT OF *PATRIOTISM* IN CONTEMPORARY RUSSIAN
LINGUISTIC CULTURE: THE ACQUIRED AND AGAIN LOST SEME**

E.I. Lelis, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Journalism
Saint-Petersburg State University of Film and Television, Russia

***Abstract.** The article analyzes the actively used in modern mass media linguoculturological concept of "patriotism": its intellectual-emotional, mental and volitional components are considered, the peculiarities of lexicographic representation and the dynamic nature of the semantic structure, in which the shift of semantic dominants has been observed over the last time, are noted. This analysis makes it possible to outline an important vector of spiritual and moral work with young people.*

***Keywords:** patriotism, linguoculturological concept, semantic word structure, seme, semantic dominant.*

УДК 372.881.1

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОЛОГИЯ И КТО ТАКИЕ ФИЛОЛОГИ

Е.А. Пореченкова, кандидат педагогических наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о том, каким образом сформировалось современное понимание филологии как совокупности наук, изучающих сущность духовной культуры общества через язык и литературу, которое предопределило комплексный характер работы учёного-филолога. Анализ определений филологии, предлагаемых российскими и зарубежными учёными, показывает, что в настоящее время не существует единого толкования этого термина. Однако не вызывает сомнения тот факт, что филологическая деятельность основывается на представлении о неразрывной связи языка с культурой народа и, следовательно, комплексное изучение языка невозможно без применения филологических знаний.

Ключевые слова: филология, филолог, филологическая деятельность, язык, литература, духовная культура, определение термина “филология”, изучение текстов.

Что, на первый взгляд, общего между понятиями *болтун* и *филолог*? Первым словом мы называем того, кто очень любит поговорить, а второе ассоциируется у нас с образованным человеком, окончившим филологический факультет университета и занимающимся серьёзной научной и педагогической деятельностью. Однако, обратившись к историческим источникам, мы увидим, что первое слово является не чем иным, как одним из значений второго слова. Например, филологами называл жителей Афин древнегреческий философ Платон (IV в. до н.э.), подразумевая, что они склонны много говорить.

Как же получилось, что слово *филология*, имевшее в обыденном употреблении в древнегреческом языке значение “словоохотливость, болтливость” стало названием науки, представители которой не только любят поговорить, но и занимаются серьёзной и очень непростой работой? И что представляет из себя наука, названная таким необычным именем? И чем в наше время занимаются люди, называющие себя филологами?

Чтобы ответить на первый вопрос, ещё раз обратимся к значению слова *филология*. В дословном переводе с греческого языка оно означает *любовь к слову* (*phileo* – люблю и *logos* – слово). Однако даже у древних греков слово *филология* не ограничивалось одним значением в силу многозначности его второй части. Слово *logos* могло означать следующее: рассказ, ораторская речь, мысль, выраженная словом, а также высшая мысль или разум. Таким образом, филологию следует рассматривать как очень широкое понятие, предполагающее *любовь к знанию вообще*, а, следовательно, и *образованность*, достигаемую в результате работы с текстами. В качестве научного термина слово *филология* начинает использоваться в III в. до н.э. и окончательно входит в употребление уже в новое время.

Возникновение самой науки, впоследствии названной филологией, связано с периодом, когда древние учёные начали проявлять интерес к вопросам изучения языка. Следует отметить, что филологическая наука зарождалась и в древней Индии, где большое значение имели работы учёных Панини (приблизительно 5-4 вв. до н.э.) и Патанджали (2 в. до н.э.), и в древнем Китае. Однако европейская филология, которой не были знакомы достижения индийских и китайских учёных, первоначально опиралась исключительно на греческую традицию. Большой вклад в формирование методов филологической работы внесли такие древнегреческие учёные, как Геродот, Протагор, Георгий, Продик, Демокрит, Аристотель.

Наибольшего расцвета античная филология достигла в эпоху эллинизма, в III-I вв. до н.э. В это время основная научная деятельность была сосредоточена в Пергаме в Малой Азии и Александрии в Египте, где были созданы огромные библиотеки. В них были собраны сочинения современных писателей, а также труды, созданные в предшествующие эпохи. Многие учёные изучали эти тексты, сопровождая их необходимыми толкованиями. Часто возникала необходимость определить принадлежность того или иного произведения определённому писателю, разобраться в особенностях языка, собрать исторические, географические и биографические сведения и т.д. Большую известность приобрели труды Зенодота, Аристарха (III в. до н.э.) и Дидима (I в. до н.э.), которые изучали тексты Гомера и других классических авторов и создавали к ним комментарии. Яркими представителями александрийского периода развития филологии были также Каллимах, Аристофан Византиец, Эрастофен Филолог, которые были известны как необыкновенно эрудированные и талантливые учёные и писатели. Именно в этот период сформировалось представление о филологии как о широкой области знания.

В I в. до н.э. достижения греческих учёных стали известны в Риме, где в 47 г. до н.э. Юлий Цезарь основал публичную библиотеку, управление которой было поручено учёному-энциклопедисту и писателю Варрону (116 – 27 гг. до н.э.), автору языковедческих и литературоведческих работ, оказавших значительное влияние на позднейшую науку.

Дальнейшее развитие филологическая наука получила в трудах раннехристианских учёных, среди которых наиболее известным является “Гексапла” Оригена, который осуществил масштабную исследовательскую

работу над подлинником и греческими переводами Библии, впоследствии использованной Иеронимом при создании латинского перевода Библии.

В средние века филологические исследования продолжились в Византии и осуществлялись в основном в сфере античной прозы. К наиболее ярким примерам такой работы можно отнести комментарии к текстам Гомера, Пиндара и Аристофана, составленные Евстафием Солунским (1-я пол. XII в.) и труды Димитрия Триклиния (1-я пол. XIV в.).

Примерно в этот же период начинается филологическая деятельность на Руси. Первым сочинением филологического характера был трактат “Об образах”, включённый в Изборник Святослава 1073 г. Это произведение представляет собой переработанный перевод с греческого языка статьи Георгия Хировоска, константинопольского профессора и библиотекаря. Цель этого трактата – научить комментировать тексты, принимая во внимание наличие тропов, т.е. слов или выражений, употребляемых в переносном смысле.

Позднее средневековье в Европе характеризуется ослаблением интереса к филологическим исследованиям. Кроме того, в работах этого периода основное внимание уделяется анализу мысли, содержащейся в произведениях классических авторов, таких как, например, Платон или Аристотель. Изучение личности автора, места и времени создания произведений, а также языка, на котором они были написаны, не рассматривается в качестве необходимого элемента филологической работы.

В пришедшую на смену средневековью эпоху Возрождения представление о филологической деятельности значительно меняется. Теперь филологи не просто изучают мыслительное содержание сочинений античных авторов, но пытаются воссоздать реалии древнего мира, чтобы увидеть, в каких условиях создавались те или иные труды. Вначале основная работа заключалась в собирании произведений древности и в прочтении и публикации обнаруженного материала. Для этого требовалось изучение древних языков, что впоследствии привело к составлению грамматик и словарей. Постепенно таким образом вырабатывались методы исследовательской деятельности, которые стали основой современной филологии.

К началу XVIII в. стала очевидной необходимость разделения филологии на более узкие направления для более основательного исследования определённых вопросов. Кроме того, в европейских странах в большей мере стал проявляться интерес не только к древней культуре, но и к своему собственному культурному наследию, неотъемлемыми частями которого являются языки, искусство и литература. Методы, выработанные при изучении античности, были применены и к изучению современных культур. Это привело к разделению филологии по национальному признаку и появлению *германской, романской, славянской, индийской* и других разновидностей этой науки.

Так, возникновению славянской филологии предшествовало создание грамматик славянских языков, например, “Российской грамматики” М.В. Ломоносова. Помимо М.В. Ломоносова у истоков русской филологии, изучающей духовную культуру русского народа через его письменное наследие, стоят такие деятели российской науки и культуры, как А.Х. Востоков, Н.П. Румянцев, Н.И. Новиков.

В XVIII в. немецкий учёный-филолог Фридрих Август Вольф впервые ввёл термин *филология* как название определённой науки, а не учёности в широком смысле. В своём труде “Очерк науки о древности” он предложил определение этой науки, положив начало научному филологическому движению, которое продолжается до сих пор, и результатом которого являются многочисленные попытки определить суть понятия филологии.

В XVIII и XIX вв. филология в основном воспринималась как наука, изучающая наследие прошлых эпох. Этой точки зрения придерживались как западные учёные, например, Ф. Вольф, А. Бёк, Т. Бирт, Ф. де Соссюр, так и представители российской науки, к числу которых можно отнести Ф.Ф. Зелинского. Ф. Вольф и некоторые из его последователей трактовали филологию исключительно как науку об античности. Однако уже в этот период прослеживается мысль о том, что филология не ограничивается изучением истории жизни греков и римлян. Работа филолога связана с изучением произведений, созданных во все предшествующие эпохи, а не только в античный период. Эти произведения могут касаться разных сфер жизни, и поэтому филология взаимодействует с другими науками, данные которых могут быть использованы для их исследования.

В современной западной науке филология в основном понимается как изучение истории языка путём научного анализа литературных текстов и других письменных источников. В британской традиции филологии придаётся ещё более узкое значение. Например, в определениях, предложенных Дэвидом Кристалом, изучение литературных текстов не включается в понятие филологической науки в Британии. Некоторые определения из англоязычных словарей даже трактуют термин *филология* как устаревший и предлагают заменить его на термин *сравнительная лингвистика*, т.е. фактически слова *лингвистика* и *филология* считаются названиями одной и той же науки.

В российской научной традиции лингвистика является хотя и неотъемлемой, но всё же лишь частью филологии. Сама же филологическая наука воспринимается как очень широкая область знания.

Однако даже в современной российской науке не существует единой трактовки филологии. С одной стороны, её основной задачей считается изучение письменных текстов, которые являются либо примерами применения языка в разных сферах жизни, либо литературного творчества. С другой стороны, это настолько универсальная область знаний, рассматривающая духовную культуру человека, что её пределы невозможно очертить в одном конкретном определении.

Итак, можно сказать, что существует узкая трактовка филологии, согласно которой она занимается изучением письменных текстов, созданных в разные эпохи, их комментированием и разъяснением трудных и непонятных мест. Однако такая работа над текстом требует применения самых разнообразных знаний, относящихся к разным наукам. Показательно, поэтому, что большинство определений в современных русскоязычных словарях трактуют слово *филология* не как название отдельной науки, а предлагают его более широкое понимание, объединяя под этим термином целую группу различных дисциплин.

Комплексный характер филологии подтверждается практически во всех определениях, предлагаемых российскими учёными в XX веке. Постоянное увеличение накопленных знаний привело к усовершенствованию методов исследования и неизбежному взаимодействию филологии с различными областями науки. Поэтому на современном этапе филология воспринимается и как “комплексная наука” (Т.Б. Назарова) [3, С. 5], и как “содружество гуманитарных дисциплин” (С.С. Аверинцев) [1, С. 544-545].

Широкое понимание сущности филологии включает в эту область не только изучение средств познания мира, таких как языки, но и содержания культуры человеческого общества, которое включает в себя литературу, философию, искусство, историю, нравы, религии, образ мысли, политическую, общественную и частную жизнь. Таким образом, освоение языка предполагает неизбежное соприкосновение с различными сферами культуры. Язык является одновременно и средством, с помощью которого мы познаём действительность, и средством сохранения и передачи из поколения в поколение духовного наследия того или иного народа. Так как овладение, например, иностранным языком основывается на изучении текстов, в том числе художественных и культурно-исторических, оно неизбежно сопровождается проникновением в другие культуры, а значит, и расширением своих знаний об окружающем мире. Очень часто студенты, увидев в своём расписании такой предмет, как латинский язык, задают вопрос: “Зачем нам тратить время на язык, которым мы никогда не будем пользоваться?” Однако классические языки не без основания с давних пор являются обязательным элементом университетского образования. Именно изучение латинского языка способствует приобщению к общемировой культуре, так как сюжеты античной мифологии используются в искусстве многих народов с античных времён до настоящего времени.

Если суммировать всё вышесказанное, то можно сделать вывод о том, что *филология* – это не отдельная наука, а область знания, объединяющая целый ряд различных наук. Общей целью этих наук является познание духовных достижений человечества посредством изучения языка, на котором создаются те или иные произведения, и культуры, без знания которой невозможно полное понимание значения этих произведений.

В отношении состава филологических наук, так же как и понимания сути филологии, не существует единого мнения. В одних определениях (и их большинство) говорится только о гуманитарных науках, т. е. науках о человеке и его культуре. К таким наукам относятся история, языкознание (лингвистика), литературоведение (теория и история литературы), текстология, источниковедение, палеография.

Другие определения расширяют область филологии, предлагая включить в неё не только гуманитарные, а вообще все науки, которые имеют отношение к изучению письменных текстов, а через них и языка, и литературы, и истории, и духовной культуры человечества.

Позиция современной российской науки нашла своё отражение в утверждении академика Г.В. Степанова о том, что для научного изучения языка необходимы многие знания и умения. Филологическая деятельность предполагает ознакомление, по крайней мере, с основами или элементами *акустики, психологии, социологии, истории, литературоведения, теории информации, статистики, этнографии, антропологии, культурологии, текстологии, географии, философии* [4, С. 8].

Итак, мы видим, что в настоящее время границы филологии значительно расширяются, открывая дорогу новым научным связям. Каким же должен быть человек, называющий себя филологом? Исходя из комплексного характера филологии, можно сказать, что филолог должен обладать обширным знанием разнообразных явлений и процессов, изучаемых разными науками.

Представление о комплексном характере работы учёного-филолога сложилось ещё во времена античности, когда сама наука только зарождалась. Первые учёные, которые обратились к филологическим исследованиям, обладали поистине энциклопедическими знаниями. Достаточно упомянуть имена Аристотеля, Демокрита, Варрона, чтобы понять насколько универсальное значение придавалось филологии. Первым среди учёных *филологом* себя назвал Эрастофен (конец III – начало II в. до н.э.), который был одновременно поэтом, литературоведом, математиком, географом, историком и хронографом.

Универсальность филологии наиболее ярко проявилась в период между эпохой Возрождения и серединой XIX в., когда филолог воспринимался как специалист (чаще всего специалист по античным текстам), который совмещал в себе лингвиста, литературного критика, историка, знатока общественной жизни, быта, нравов и культуры, а также многих других гуманитарных и даже естественных наук. Иными словами, такой специалист должен был знать всё, что может понадобиться для изучения определённых текстов. При этом очевидно, что невозможно предугадать заранее, какие именно знания потребуются в тот или иной момент. Поэтому филолог должен был быть “специалистом широкого профиля”.

Последующий рост дифференциации научных знаний изменил подход к подготовке филологов, сделав её более узконаправленной. Однако сама наука филология не утратила своего универсализма и в настоящее время.

В истории российской науки мы также находим много примеров комплексного понимания работы филолога. Как отмечает Г.О. Винокур, «основная обязанность филолога именно в том и состоит, чтобы понимать решительно всё: он не должен быть экономистом, но понимать экономическое исследование должен; он может не писать стихов, но понимать стихи обязан» [2, С. 93]. Такие учёные-филологи, как М.В. Ломоносов, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов и др. известны своими широкими научными интересами. Филологом в широком смысле этого слова можно назвать и самого Г.О. Винокура, который занимался практически всеми возможными видами филологической деятельности. Он был переводчиком, журналистом, редактором, издателем, текстологом, критиком и, конечно, преподавателем филологических дисциплин. Кроме того, он занимался многочисленными исследованиями, писал книги и статьи, участвовал в составлении первого советского словаря, известного как словарь Ушакова, организовал работу по составлению Словаря языка Пушкина.

Следует отметить, что филологическая подготовка необходима не только специалистам-филологам. Очевидно, что любые знания, в том числе и относящиеся к области естественных наук, могут быть сформированы только на основе умений работать с текстом. Текст – это основной источник информации, а его глубокое понимание невозможно без филологической подготовки, которая в европейских странах и в России всегда была необходимой основой для продолжения обучения в высших учебных заведениях по любому направлению, в том числе и естественнонаучному. Например, в средние века полное образование обязательно включало три компонента: филологический, философский и естественнонаучный. Иными словами, гуманитарное знание служило основой для осуществления исследовательской деятельности в сфере естественных наук. Среднее образование в дореволюционной России имело филологическую направленность. Гимназии и лицеи, такие как Царскосельский, Демидовский в Ярославле, Ришельевский в Одессе давали своим выпускникам подготовку, достаточную для поступления на историко-филологические факультеты университетов.

В настоящее время, когда наблюдается бурное развитие различных сфер человеческой деятельности, филология не только не теряет своего значения, а даже становится ещё более важной. Как и прежде нашему обществу требуются высокообразованные люди, умеющие ориентироваться в невероятно сложном окружающем мире, способные решать самые трудные жизненные вопросы. Даже великие открытия становятся доступными и полезными, только если они ясно и грамотно выражены в словесной форме.

Филологическое образование, несомненно, имеет большое значение для развития личности человека. Именно благодаря предметам филологического профиля школьники и студенты получают возможность познакомиться с образцами духовной культуры, расширить свой кругозор и социальный опыт. Изучение родного и иностранного языков, литературы развивает у нас эстетический вкус. Так как овладение языком основывается на изучении художественных и культурно-исторических текстов, оно неизбежно сопровождается проникновением в другие культуры, а значит, и расширением наших знаний об окружающем мире. Поэтому невозможно не отметить тот огромный вклад, который вносит филология в интеллектуальное и нравственное становление современного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С.С. Филология. / С.С. Аверинцев // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Винокур, Г.О. Собрание трудов: Введение в изучение филологических наук. / Г.О. Винокур. – М.: Издательство «Лабиринт», 2000. – 192 с.
3. Назарова, Т.Б. Филология и семиотика. Современный английский язык: учеб. пособие / Т.Б. Назарова. – М.: Высшая школа, 2003. – 191 с.
4. Степанов, Г.В. О филологии и филологах. / Г.В. Степанов // Энциклопедический словарь юного лингвиста / сост. М.В. Панов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 544 с.

Материал поступил в редакцию 02.02.18.

WHAT PHILOLOGY IS AND WHO PHILOLOGISTS ARE

E.A. Porechenkova, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University, Russia

***Abstract.** This article discusses the question of how a modern understanding of Philology as a set of sciences that study the essence of the spiritual culture of society through language and literature, which determined the complex nature of the scientist-philologist, was formed. The analysis of definitions of Philology offered by Russian and foreign scientists shows that there is currently no single interpretation of this term. However, there is no doubt that philological activity is based on the idea of the inseparable link of language with the culture of the people and, therefore, a comprehensive study of the language is impossible without the use of philological knowledge.*

***Keywords:** philology, philologist, philological activity, language, literature, spiritual culture, definition of the term “Philology”, study of texts.*

УДК 80

КАЗАХСКИЕ ЭТНОНИМЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАКАЛПАКСТАНА

И.О. Халмуратов, соискатель

Республиканский институт переподготовки и повышения
квалификации педагогических кадров имени К. Убайдуллаева, Каракалпакстан

Аннотация. В данной статье делается попытка выяснения существующих и по сей день казахских этнопонимов на территории Республики Каракалпакстан.

Ключевые слова: этнонимы, топонимика, этнографическая группа, казахский язык.

Топонимика имеет дело с именами собственными, поэтому с точки зрения лингвистики она является частью ономастики – раздела языкознания, изучающего собственные имена вообще, в том числе имена людей и фамилии. На этом основании лингвисты, имея в виду узкоспециальные цели, употребляют иногда термин «топономастика» для обозначения топонимики как части ономастики.

Огромная территория Казахстана довольно однообразна в природном отношении. Топонимические ландшафты здесь постепенно изменяются с севера, где незаметно сливаются с сибирскими, на юг, где приобретают черты, свойственные топонимии Средней Азии. Но во всех частях Казахстана есть много общего. Таким общим является наличие казахских топонимов.

Казахский язык относится к группе тюркских языков, что сближает казахские названия с другими тюркскими. Повсеместны на территории республики и русские названия. Кое-где есть также названия дотюркские, истоки которых следует искать в языках народов, обитавших здесь до казахов. Некоторые следы в топонимии оставили и арабы, жившие в VIII-IX вв. кое-где в южных частях Казахстана и оказавшие значительное влияние на культуру и языки народов Средней Азии и Казахстана. Таким образом, здесь есть слои различных исторических эпох:

- древнейшие названия доказахского (иранского) происхождения;
- казахских названия с отдельными монгольскими и арабскими элементами;
- русские названия.

Каждое суверенное государство стремится к сохранению и дальнейшему развитию своего материального и духовного богатства, в том числе и национальной топонимической системы как важнейшего средства формирования национального самосознания, наглядного источника происходящих в обществе исторических событий. Географические названия административно-территориальных единиц, населенных пунктов, предприятий, учреждений, организаций и других многочисленных географических и геологических объектов невозможно представить вне интересов общества, которое ими пользуется. Нужно не только осознать это, но и законодательно закрепить положение, что географические названия являются достоянием национальной культуры и как другие памятники истории и культуры находятся под правовой защитой и охраной государства.

Топонимические материалы – ценный источник по исторической географии страны, способствующей исследованию экономических, этнических, социальных и географических особенностей, сохранившихся и в названиях отдельных объектов, и целых областей.

Особенно важны они в таких сложных регионах, как Алма-атинский. Во-первых, он стоял на границе оседлых и кочевых миров, являясь зоной скрещения многих народов, впитав элементы их культур и ирано-язычные, и тюркоязычные названия. Во-вторых, это была крупная рудная республика, в топонимике которой сохранились и названия добывавшегося сырья, и характер его разработок. Однако и топонимические названия эффективно работают, если они коррелируют с фактическими археологическими и историческими источниками. В качестве комплексного использования источников можно провести анализ топонимических данных при изучении отдельных пунктов и локальной местности, и крупного региона Астана.

Раньше в Казахстане была создана Государственная ономастическая комиссия при Кабинете Министров Казахстана, которая разрабатывает вопросы именования и переименования на основе современных научных достижений, многовекового опыта народной номинации и национальной традиции. Все вопросы наименования и переименования не могут быть осуществлены без ведома и контроля этой ономастической комиссии.

В Каракалпакстане узбеки, которые говорили на кыпчакском диалекте с казахами, ногаями, каракалпаками имели древние экономические, культурные и особенно историко-этнические связи. **Кыпчаки, Кангли, Уйшун, Кунграт, Китай (Хитай), Кирк, Ачамайли, Болгали** и другие наименования племен встречаются и у казахов, и у каракалпаков, и у узбеков, которые жили в Каракалпакстане.

История известна **Кыпчакская долина** на территории **Каракалпакстана** (XI- XVI веках), позже **Золотая Орда** и **Нугайская Орда** в формировании узбекского, казахского, кыпчакского, каракалпакского языков сыграли большую роль.

В определённые исторические времена эти народы жили совместно. Например, во время казахского ханства Тавке (1680-1718) казахи и каракалпаки жили вместе.

Из переписи населения 1970 года в Узбекистане насчитывалось 476 тысяч казахов, из них 186038 жили в Каракалпакистане.

Исторически доказано, что на территории современного Каракалпакистана сосуществовали разные народности, племена. Многие из них на протяжении многих веков осели на определенной территории и многие этнические названия были ими забыты. Но некоторые этнические названия в местах их проживания сохранились в качестве этнопонимов, так как данные народности вели кочевой образ жизни и имели обыкновение переселяться. Например, **Ашамайлы, Баганалы, Болгалы, Жалайыр, Керент, Керей, Канжыгалы, Канглы, Каракыпчак, Каракалпак, Карамойын, Кармыш, Кыпчак, Кырк, Хитай (Ктай), Конрат, Найман, Ногай, Сары, Таз, Тома, Уйшун** и др.

Изучение этнопонимов, появившихся на территории нашей республики представляется очень важным. На основании этого изучения появляется возможность выяснения мест проживания отдельных этнографических групп и узнать историю возникновения тех или иных народностей на территории нашей республики. Это имеет огромное научное значение.

Этнопонимы, появившиеся на территории Каракалпакистана, доказывают разнообразность населения, которое проживало на данной территории в трудных этнографических условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселовский, С.Б. Топонимика на службе истории: сб. исторические записки. / С.Б. Веселовский – М., 1945. – Т. 17. – С. 34.
2. Востров, В.В. Родоплеменный состав и расселение казахов. / В.В. Востров, С.М. Муханов – Алма-Ата, Изд-во «Наука» Каз ССР, 1968.
3. Конкашпаев, Г.К. Общие закономерности местной тюркоязычной географической терминологии Средней Азии и Казахстана. / Г.К. Конкашпаев – МГТ. – С. 26.
4. Кошгари, М. Девону луготу турк. «Диван тюркской лексики». / М. Кошгари – Т., 1967. – С. 375–379.
5. Никонов, В.А. Краткий топонимический словарь. / В.А. Никонов – Издательство «Мысль» Москва, 1966.

Материал поступил в редакцию 19.01.18.

KAZAKH ETHNONYMS IN KARAKALPAKSTAN

I.O. Khalmuratov, Applicant

The Republican Institute of Retraining and Advanced Professional Training
of Teachers named after K. Ubaydullaev, Karakalpakstan

Abstract. *This article attempts to clarify the Kazakh ethnotonyms existing to this day in the territory of the Republic of Karakalpakstan.*

Keywords: *ethnonyms, toponymics, ethnographic group, Kazakh language.*

ON THE ROLE OF RUSSIAN PRECEDENTED ANTHROPONYMS IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING ¹

A. Szafernakier-Świrko, Doctor of Philological Sciences, Lecturer
Faculty of Applied Linguistics,
University of Warsaw, Poland

Abstract. The aim of this paper is to present functioning of culture precedent phenomena, i.e. precedent phenomena of names called precedent anthroponyms. Samples will be taken from Russian journalistic texts. Inclusion of Russian precedent samples into the canon of didactic topics discussed during practical lessons of Russian is considered to be a priority.

Keywords: precedent, intercultural communication, cognitive base, precedent anthroponyms.

The phenomenon of precedent anthroponyms in language is an issue, which has been discussed in philological works both in Poland² and abroad³. For communication between representatives of different cultures to run smoothly, participants of a communication act should have similar knowledge of language and culture. Adequate communication requires some knowledge of language issues and culture, i.e. precedent anthroponyms that constitute cultural content condensates. Therefore, it is essential to have knowledge of how to use them in communication.

In the author's opinion, discussing a function of the precedent phenomena in journalistic texts with Russian language learners increases the possibility of adequate communication and thereby reduces the risk of communication misunderstandings.

Let us focus on the issue of precedents. The term *precedented* comes from Latin and derives from the word *praecedens* which means "preceding". The term is primarily used in the legal profession. Nowadays it functions under the expression 'something (event, action) has no precedent' (Bańkowski 2000: 769). The term *precedented* was proposed by J.N. Karaulov in his monograph "Русский язык и языковая личность" who described texts as being precedent. Thanks to the efforts of a group of Russian researchers gathered around a seminar "Text and communication" and working at the Faculty of Philology of the Moscow University, the term *precedented* was used to describe other precedent units such as word, phrase and precedent situation. The seminar has been working on precedent issues of language and culture since 1995⁴.

Cultural precedent phenomena or, to be more precise, precedent anthroponyms make one of the building blocks of the cognitive base which comprises a collection of knowledge about the surrounding world encoded in objects of culture persisted in the minds of individuals. This involves, above all, historical knowledge, knowledge regarding current events and knowledge about culture. This knowledge is required for normal information processing and decoding the meanings of messages and structures of precedent units. Cultural material included in precedent phenomena is processed in everyday communication. Knowledge encoded in any object of culture can be a starting point to define new concepts, events and information about the surrounding world. A cognitive base is dynamic and constantly changing.

Precedent anthroponyms as the cognitive base components exist in contemporary Russians' cultural awareness and are referred to in everyday communication. Therefore, it seems necessary to share knowledge about their existence with students in a foreign language classroom. Being condensates of cultural content, precedent anthroponyms are also a source of text polyphony. Precedent anthroponyms used in a text aim at introducing an intriguing piece of information for the reader of this information. Precedent phenomena as carriers of cultural knowledge invite the reader to decode a meaning hidden in precedent units. It is worth noting that one of the characteristic features of contemporary journalistic discourse is the use of numerous metaphors and allusions in the press texts, especially in headlines. Journalists use a tricky device, i.e. in headlines they refer not only to famous literary works but also to music and movies. Motivated by the content of a press release, a title within a title, according to I. Kamińska-Szmaj, suggests additional connotations arising from the knowledge of the referenced text. Thus, a reader is provided with satisfaction of deciphering thus coded information. Above all, a connection between the recipient and the sender of information is created, allowing them to understand that they belong to a common cultural circle (Kamińska-Szmaj 2001: 66).

The language of the Russian press, especially a use of proper names in the language of contemporary Russian journalism, was presented in the article "Собственные имена в языке современной журналистики" by Andrzej Sitarski (Sitarski 2004: 159). The researcher claims that many surnames of contemporary Russian politicians (eg. *В. Путин - путинята, путинница*) appear in Russian journalistic discourse only temporarily, and some of them are stored in the memory of the nation for a long time. Based on the example analysis of the contemporary Russian press, Sitarski emphasizes the fact that the names of contemporary Russian politicians evoke mostly negative emotions and are often an expression of Russian politicians' unaccepted behavior and the way Russians perceive them.

A proper names analysis in media texts was the focus of Mariusz Rutkowski's article "Nazwy własne i ich denotacje w rzeczywistości materialnej". The author examines a number of proper names going beyond their basic nominative reference function in order to convey a relationship between their use and creation of specific reality vision in a media text. A starting point for the discussion was a postulated possibility of proper names to perform numerous functions in a text. One of those functions is the ability to create and shape media reality (Rutkowski 2007: 156). M. Rutkowski proposes to examine proper names' frequency of exposure, positions in a media message structure, image consolidation, recipients as well as an attitude towards the competences of the senders and recipients. A media message aims at simple information transfer, creating its recipients' attitude and imposing a particular worldview or a system of values on them (Nowak, Tokarski 2007: 10). Hence, proper names seem to be an ideal means of message transmission influencing the shape of the new reality. M. Rutkowski argues that the strength of the media image lies in its multiplication, or repetition. One of the conditions of precedented anthroponyms to occur in a text is their repetition and frequent recall in the communication process. Potential of the connotation value acquisition and their functioning within media worlds seem to be hidden in countless names.

The subject of precedence has also been widely discussed abroad. Irina Ratnikova has examined and presented proper names in secondary nomination in Russian and Bialorussian cultural area in her monograph "Имя собственное: от культурной семантики к языковой"⁵. The researcher highlights the fact that the largest group of onomastic metaphors under analysis are presented by metaphors-anthroponyms. According to the author of the monograph, this shows Russians' great interest in people, their life, surroundings and characteristic features. In both Polish and Russian cultural space, there is a countless number of proper names in secondary nomination, as evidenced by the frequency of precedented anthroponyms used in journalistic texts.

Russian journalistic discourse has absorbed a number of cognitive base elements into its structures. The contemporary Russian press language eagerly reaches for means of expression, stored in cognitive database and being its building blocks. In the press texts, there are used not only metaphoric proper names, frame structures, scenarios and scripts which encode, organize, prioritize and store information, but also cognitive structures responsible for communicative and cultural competences. Adequate communication requires not only linguistic knowledge but, above all, extralinguistic knowledge. Precedented units used in journalistic texts prove the fact that Russian contemporary journalistic discourse develops dynamically and responds to political and cultural changes absorbing precedented units into its structures.

In this article, precedented anthroponyms, which appear in Russian journalistic discourse, are analysed. It is necessary to point out that precedented units under analysis constitute a sample research group. Only some examples of their usage have been examined. The attention has been focused on those culture phenomena presented in the Russian journalistic discourse whose cultural meaning in most cases has not been described in explanatory dictionaries. Precedented anthroponyms should be interpreted in context but there can appear a situation in which even a context does not help to decode their meaning. Woven into Russian journalistic texts, precedented anthroponyms should be clear for a learner of the Russian language. That is why precedented units should be introduced into the foreign language teaching curriculum. Sometimes interpretation of some texts including precedented units is so problematic that it forces the reader to reach out for an encyclopedia. That is why attention has been focused on encyclopedia definitions given by a very popular source of information – the Internet. "Wikipedia" (www.wikipedia.org), a virtual encyclopedia, is available for every Internet user and has become a source of information, culture and ongoing events for us. It is necessary to highlight the fact that the definition material was often insufficient to interpret precedented phenomena since it did not reveal a cultural segment. Precedented anthroponyms used in journalistic texts require some knowledge about culture and history on the part of the reader. Without sufficient knowledge of political, social and cultural issues, it is impossible to understand a precedence that is why every cited precedented unit was given an additional comment.

1. **Тарантино в юбке.** Ольга Будина недолго была блондинкой – лишь во время съемок телесериала Александра Митты „Граница. Таежный роман”. После этого актриса вернула своим волосам природный цвет – русый, но ее все равно узнают на улице. („Огонек” № 01\2001)

A passion for theatre and acting is a feature connecting Quentin Tarantino and Olga Budnina. It was already in secondary school that Olga Budnina showed a great interest in cinema and took part in school performances. As a teenager, when taking his first job in a video store, Q. Tarantino also showed a great interest in cinema and filmmaking. Both actors achieved great success as young people. A talent and a career while being young and love for cinema make a set of common features characterizing Q. Tarantino and Olga Budnina.

2. Путин выбирает „модель” президента – 2008 - **Брежнев** или **Петр Первый**.

Владимиру Путину в поисках преемника придется выбирать не только человека, но и модель президента – между Брежневым и Петром Великим (www.newsru.com)

Predicting the style of Putin's successor, political observers were looking for a style comparison to that of Peter I and Leonid Brezhnev. Likely, the successor will be named the second Peter I or Brezhnev because of his political style. In this case, we are dealing with a nominative metaphor⁶.

3. **Стаханов** для советской экономики. Им гордятся и приводят в пример.

To highlight great achievements of the farmer A. Starcev, the figure of A. Stachanov, a USSR hero and initiator of mass competition work who greatly contributed to the country's economic development, is referred to. Similarly, A. Starcev develops his farm at a rapid pace thanks to a received loan. He is recognized and followed as an example in Komi Republic.

4. *Ион Суручану – почти Челентано.*

Этот бархатный, волнующий бас-баритон считают достоянием республики. Мегазвезду местной эстрады Иона Суручану даже называют молдавским Адриано Челентано.

(www.aif.ru № 50/2006)

To interpret this precedented component, it is necessary to know contemporary music. The reader is expected to know that Adriano Celentano is a famous Italian singer with a unique timbre of voice. To increase the importance of the local Moldovan singer and draw the reader's attention, the author decides to call him the Moldovan *Celentano*.

5. У каждой из стран есть свои причины бороться за право обладания Ростроповичем. Для России он-лицо культуры новой, демократической, лицо государственности. *Храм Христа Спасителя в человеческом облике*. И другого кандидата на эту роль у страны нет. („Коммерсантъ” № 3/97)

Here one can observe an interesting comparison/summary of the outstanding building (Cathedral of Christ the Saviour) with a Russian conductor, cellist and teacher – Mscislav Rostropovich. To show a high position and great importance of the artist for Russia, the author of the article employs a comparison of the artist to The Cathedral of Christ the Saviour.

6. Без комментариев "Счастливым человек может быть только вместе со своей страной". Юрий Гагарин в школах, в метро, на улицах устанавливают "тревожные кнопки". Надписи под ними гласят: в случае опасности звоните по такому-то телефону. ... Но как нам, россиянам, снова стать *Павками Корчагинными, Матросовыми или Стахановыми*, если 80% населения не верят властям. (www.aif.ru, 11.10.2006)

Precedented phenomena of culture transmit current Russian atmosphere through the *prism* of the past. By referring to symbols and legendary figures of the USSR (Corchagin, Matrosov, Stachanov are the USSR heroes) who embody such features as commitment and devotion to their Motherland, the author presents current facts stating that 80 % of the society still does not believe the ruling elites.

A frequent presence of precedented anthroponyms in Russian press shows journalists' interest in their use to transmit knowledge of the ongoing events and interpret the reality surrounding us. Popularity of precedented units can demonstrate their interpretation potential as well as their ability to transmit their cultural content realized in an innovative and original way. A correct understanding of precedented anthroponyms used in journalistic texts is a guarantee of the correct interpretation of the reality. Thus, in the author's opinion, it should be considered during foreign language lessons. A more extensive analysis of precedented names in "Niektóre językowe wyznaczniki bazy kognitywnej współczesnych Polaków i Rosjan" has showed that precedented units as cultural condensates can constitute a dictionary material. The journalistic material chosen by the author can be presented in the form of dictionary entries whereas precedented anthroponyms can be limited to the simplest characteristics, such as *Brezhnev of our times* – 'a man who ensures the feeling of stabilization and safety'; contemporary *Augustine* – 'the one who looks for values in his life, the one who suffers'; our *Modigliani* – 'the one who refers to classical values'; almost Celentano – 'a great singer'; little Switzerland – 'a landscape with a great number of meadows and small cottages'; *X is Saint Tropez* – 'an exclusive and fashionable resort'; second Argentina – 'a country which has been affected by a crisis, the one which has been struggling with a budget crisis'.

The analysis of precedented anthroponyms carried out on press materials has allowed to formulate several important issues. Firstly, precedented anthroponyms, being cultural information carriers, occupy a strategic position in a text. Secondly, precedented units are a trademark of the journalistic text encouraging the reader to read it. Thirdly, the use of precedented anthroponyms in a text allows the reader to demonstrate his erudition and high cultural sophistication.

In most cases, precedented anthroponyms appear in headlines, which are their "favorite" place. Headlines are one of the most important strategic positions without which a journalistic text cannot exist. It is both the smallest journalistic text as well as an indispensable element in any journalistic expression. The use of precedented cultural phenomena in journalistic headlines is a certain deliberate strategy in giving press headlines. Valery Pisarek in his monograph dedicated to press headlines notices that they have a key role in the reader's message perception process. For a message to be perceived, it has to fulfill four conditions. First of all, the reader must notice a headline, then he must choose to read it; next, he should read and, finally, understand it (Pisarek 1967: 113). It is necessary to highlight the fact that precedented units are very quickly absorbed by journalistic texts to invite the reader to read a text and intrigue him. Imaginative and witty headlines draw the reader's attention and intrigue as well as provoke him and often, through their allusion and ambiguity, encourage the reader to discuss issues. This is not a disinterested game but a way to get the reader and seduce him (Kamińska-Szmaj 2001: 61). In addition to semantic values, precedented anthroponyms in journalistic headlines are essential in terms of graphics since they catch the reader's attention. V. Pisarek emphasizes the fact that a headline fulfills a number of functions, including a function of getting readers through encouraging them to read an article, an informative function through transmitting knowledge and information and, finally, a decorative function by drawing the reader's attention. V. Pisarek also mentions a cognitive function. An impact of the headline on understanding a text lies in the fact that it prepares the reader to receive a particular piece of information, activating his actual knowledge of the topic. It makes it easy for the reader to focus his attention on the expression elements that the reader considers to be the most important (Pisarek 1967: 114). Similarly, precedented anthroponyms perform a number of functions: a cognitive function, an informative function and a function, which makes a text more attractive. Additionally, precedented anthroponyms are "representatives" and a trademark of the journalistic text. Thanks to a great dose

of connotation potential, precedented units analysed by the reader make him search for associations and knowledge of history. The sender's consciously used technique, who becomes more attractive by presenting a wide horizon of erudition and a skillful play on word, combines with the valorizing image of the recipient: through allusive language signals, the sender allows the reader to understand that he believes in his competence, intellectual abilities and cultural sophistication. Cultural allusions (eg. Biblical, literary, mass media) are introduced in headlines or texts to clearly pull the reader into a game of associations and erudite cultural references. Remaining just a mere reflection of the original, sometimes these references and changes require a little effort to decode and discover the base of the conducted operations. It may, however, happen that the reader who lacks erudition and does not possess a wide horizon in terms of culture, literature and philosophy will not be able to discover those references and suggestions hidden in an allusive headline (Borkowski 2000: 167).

Precedented anthroponyms as linguistics determinants of the cognitive base occupying an important place in Polish and Russian journalistic texts, constitute a rich source of knowledge about Russian culture, music, art and politics. They are essential elements containing knowledge of history, politics and international relations. In their structures precedented anthroponyms contain a number of characteristic features of a given person or event. These are units, which influence a creative character of language. It consists in the fact that speaking is not a mere act of copying ready texts or handling ready formulas (schemes), but creating new constructions aiming at communicating the sender's intended information to the recipient (Grzegorzczkova 1995: 13).

Notes

¹ The research material was taken from a doctoral dissertation entitled "Some linguistic determinants of the cognitive base of contemporary Poles and Russians, published by Sowa Publishing House, Warsaw, 2017.

² See J. Tarsa, Precedentne феномены, [in:] „Slavica Wratislaviensia” CXXVII, Wrocław 2004.

³ See Русские precedentные феномены в польском языке, [in:] „Диалог культур IV”, ed. О. Рихтерка, Ústí nad Orlicí 2007; Текст в тексте, или почему и как люди используют чужие тексты, [in:] „Rossica Olomuciensia XLII”, Olomouc 2004.

⁴ The most important works are: Д. Б. Гудков. Precedentное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации, [in:] „Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации”, Красных / Изотов, Москва „Филология” 1997; Т. В. Солтановская, Уровни коннотированности лексики и феномен precedentности слова, [in:] „Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации”, Красных / Изотов, Москва „Филология” 1997; Д. Б. Гудков, Коммуникация и межкультурная коммуникация, [in:] „Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Лекционный курс для студентов”. Москва 2000; И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, Precedentное имя и precedentное высказывание как символы precedentных феноменов, [in:] „Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации”, ed. А. И. Изотова, В. В. Красных, Москва 1996; И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, Когнитивная база и precedentные феномены в системе других единиц и в коммуникации, [in:] „Вестник Московского Университета”. Сер. 9 „Филология” №3, Москва 1997.

⁵ Ратникова И. Э., Имя собственное: от культурной семантики к языковой, Минск 2003.

⁶ Zob. Arutiunowa N. D., Metafora językowa I, [w:] „Teksty”, № 6 oraz Arutiunowa N. D., Metafora językowa II, [w:] „Teksty” № 1.

REFERENCES

1. Bańkowski, A.: *Etymologiczny słownik języka polskiego*, T. 1, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2000.
2. Borkowski, I.: *Aluzje i stylistyczne powinowactwa nagłówków prasowych lat 80 i 90*. Media. Język. Literatura. Korespondencje i transpozycje, Oficyna Wydawnicza Arboretrum, pod red. Anny Dąbrowskiej i Janusza Anusiewicza, Wrocław 2000.
3. Grzegorzczkova, R.: *Jak rozumieć kreatywny charakter języka? Kreowanie świata w tekstach*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 1995.
4. Kamińska-Szmaj, I.: *Słowa Na wolności*, Wydawnictwo Europa, Wrocław 2001.
5. Nowak, P.: Tokarski R., *Medialna wizja świata a kreatywność językowa*, Kreowanie światów w języku mediów, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2007.
6. Pisarek, W.: *Poznać prasę po nagłówkach! Nagłówek wypowiedzi prasowej w oświetleniu lingwistycznym*, RSW Prasa-Książka-Ruch, Kraków 1967.
7. Rutkowski, M.: *Nazwy własne i ich denotacje w rzeczywistości medialnej*, Kreowanie światów w języku mediów, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2007.
8. Ситарский, А. *Собственные имена в языке современной русской прессы*, Слово. Текст. Czas VII. Новые средства языковой номинации в новой Европе, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, Щецин 2004.

Материал поступил в редакцию 06.02.18.

**О РОЛИ РУССКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ АНТРОПОНИМОВ
В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

А. Шафернакер-Свирко, доктор филологических наук, преподаватель
Факультет прикладной лингвистики
Варшавский университет, Польша

Аннотация. Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить функционирование прецедентных феноменов культуры, т.е. имен, называемых прецедентными антропонимами. Примеры будут взяты из российских журналистских текстов. Приоритетным считается включение российских прецедентных примеров в состав дидактических тем, обсуждаемых на практических занятиях по русскому языку.

Ключевые слова: прецедент, межкультурная коммуникация, когнитивная база, прецедентные антропонимы.

Literary Studies
Литературоведение

УДК 8

**ТЕКСТ КАК ПЕРВООСНОВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ С ТВОРЧЕСКИМ МЕТОДОМ РАБОТЫ
СЦЕНАРИСТА-РЕЖИССЕРА ПРАЗДНИЧНЫХ ФОРМ КУЛЬТУРЫ**

Е.А. Бухреева¹, О.В. Кузьмина²

¹ студент, ² кандидат культурологии, доцент

Кемеровский государственный институт культуры, Россия

Аннотация. *Дается краткий генезис и особенности работы с интерпретацией. Раскрывается практическая значимость сценарного мастерства и один из творческих методов создания сценария праздничных форм культуры, интерпретация литературных произведений.*

Ключевые слова: *интерпретация, текст, авторская концепция.*

Интерпретация текстов литературы оформилась в отдельную науку только в двадцатом веке, которая теперь называется герменевтикой. Существует множество научных трудов, посвященных интерпретации в области разных наук, но что касается интерпретации текста научных материалов, при анализе данной темы, выявилось не так много. Чтобы понять специфику данного явления, мы постарались проанализировать разные литературные источники и составить, на наш взгляд, схему, которая являлась бы отправной точкой в изучении интерпретации текста:

текст → чтение → понимание → интерпретация

Итак, рассмотрим теоретические подходы текста в контексте интерпретации известных авторов: Бахтина М.М., Ломана Ю. и Лукина В.

По концепции М. Бахтина «Текст – это диалог» *текст* открыт для множества смыслов. Он соединяет в себе буквальные и скрытые символы: наполнен разнообразием тропов, например, такими как метафоры, сравнения, аллегории, эпитеты и т.д.

Кроме того, автор отмечает наличие в тексте двух полюсов: общепонятную систему знаков, позволяющую идентифицировать текстовое значение, и индивидуальное, неповторимое смысловое содержание. То есть, в тексте заложена идея автора, которая выражается с помощью системы знаков, которые, в свою очередь, отражаются в сознании читателя в понимании, зарождении идей. Следовательно, текст диалогичен, то есть предполагает, помимо автора, наличие второго субъекта, то есть читателя.

Так, появляются задачи, которые необходимо осуществить двум «сторонам диалога»:

- Задача автора текста – это выразить идею и воплотить ее в некие знаки/символы.
- Задача читателя – понять эти самые знаки и интерпретировать, истолковать, прежде всего, для самого себя и ответить на вопросы: «что же автор сказал и с какой целью?».

Так происходит, по мнению М. Бахтина, «столкновение двух сознаний, двух субъектов»: «взаимодействие читателя и автора» – это пересечение двух автономных кругозоров. Иными словами, всякий *текст* существует как некая предрасположенность к диалогу. Диалогичен сам человек, который, общаясь с другими людьми, обращается и к другому своему «я» [1]. Т.е. текст в концепции М. Бахтина, является высказыванием и ждет ответного активного понимания. Мы должны сказать, что понимание является важной составляющей в театрализованном представлении и празднике. То, каким образом, будет представлен и разыгран текст, зависит качество и успех работы. Зритель должен не только понимать то, о чем и как говорится в представлении или празднике, но и быть активным участником.

Таким образом, проводя параллель, можно сказать, что в театрализованном представлении так же происходит диалог между зрителем и героями действия, только это происходит за счет приемов активизации участников, когда зрители становятся непосредственными героями действия. То есть важен сам момент диалога, который является связующим звеном и может проявляться как автор/читатель и герой/зритель.

Так же среди российских литературоведческих исследований особую значимость представляет монография В. Лукина «Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум» [6]. В данной работе рассматривается теория и анализ с позиции того, кто «получает» текст (читателя, интерпретатора). В. Лукин рассматривает текст и читателя как единую систему, предполагающую наличие взаимосвязей.

В. Лукин определяет специфику типологии художественного (литературного) текста в сопоставлении с другими типами (фольклорные, научные, публицистические, учебные и т.д.) и обобщает особенности лингвистической интерпретации. Так, автор конструирует определённую лингвосомиотическую теорию, обладающую рядом особенностей.

Если брать во внимание литературоведческий подход, то спецификой текста является выражение средствами естественного языка некоего содержания, которые соответственно являются формой данного содержания. Поэтому, как считает автор, если естественный язык является формой текста, значит, любой такой текст может выступать как объект интерпретации.

На наш взгляд, с данным научным подходом невозможно не согласиться, поскольку всякий текст состоит из естественного языка, который используется для общения людей (в отличие от формальных языков и других типов знаковых систем, также называемых языками в семиотике) и несозданный искусственно. Т.е. на том языке, который понятен всем и который используется в повседневной жизни, а значит его можно интерпретировать, например, переводить на другие языки, написание книги и т.д. Текст в театрализованном представлении и празднике может быть переведен на особенный и характерный данному явлению язык: во-первых, это сам сценарий, во-вторых, это форма передачи данного материала: игры, иллюстрация и т.д.

Но прежде чем перейти к пониманию текста и процесса его интерпретации, следует проанализировать, какова сущность понятия «понимание текста» и что этому предшествует. Обратимся к концепции Ю. Лотмана «О параметрах текста».

В своей книге «Статьи по семиотике и топологии культуры» автор отмечает, что любой текст обладает определённым культурным кодом, который является неким ключом к пониманию данного типа культуры (дописменный, письменный и т.д.) Культурный код позволяет понять преобразование значения текста в смысл [4]. Он характеризуется тремя объективными параметрами: мировоззренческими установками определённой эпохи, общечеловеческой целесообразностью и *открытостью интерпретации, т.е. пониманием* смысла текста и наполнение его новым содержанием [2].

Благодаря способам выражения авторской мысли в сценарии театрализованного представления (анализ и синтез произведений, различных жанров, монтаж и т.д.) или праздника выбранные темы могут быть разнообразны и не похожи. Так, например, Марков О.И. приводит пример в своей книге «Сценарная культура режиссера»: «Часто можно слышать или прочитать: «Первая любовь у меня была в пятом классе, а по-настоящему я впервые влюбилась в девятом классе». Или, молодая супружеская пара распадается потому, что муж заявил жене, что он встретил другую, которую по-настоящему полюбил. Возникает вопрос: «Неужели любовь – это столь часто повторяющееся явление?». Таким образом, исходя из анализа «фактов жизни», ограниченных рамками темы (о первой любви, как о состоянии человеческой души), я сформулировала проблему: бывает ли любовь второй, третьей, четвертой?» Таким образом, выбранная тема вбирает в себя всеобъемлющие понятия, актуальные на все времена и, кроме того, тема опирается на сегодняшнее отношение к данной проблеме многих людей [8].

Следует подчеркнуть, что любой текст подлежит прочтению и пониманию. Рассмотрим данные понятия и постараемся ответить на поставленные нами вопросы: как прочитать так, чтобы было понятно? И как чтение формирует понимание авторского текста?

Опираясь на концепцию М. Бахтина (*текст – это диалог*) и Ю. Лотмана и Лукина (*текст – «живой организм»*) можем сделать вывод, что художественное произведение при каждом прочтении может выдавать новую информацию, новые грани понимания и смысла. Т.е. мы можем предположить, что чтение является фундаментом интерпретации. А если это так, то интерпретация невозможна без чтения, а чтение невозможно без понимания текста. Поэтому, если брать во внимание концепцию М. Бахтина, что «текст существует на рубеже двух субъектов, двух сознаний»: автора и читателя, можно предположить, что понимание является субъективным фактором, а значит и интерпретация *текста* зависит от субъективных особенностей читателя и объективных качеств текста. Следовательно, одной из особенностей интерпретации является ее неисчерпаемость, многозначность и неповторимость как многообразие авторских замыслов, т.е. сколько читателей, столько и интерпретаций. На этот фактор, безусловно, влияет процесс чтения, т.к. можно сказать, что в зависимости от того, как текст будет прочитан, так он будет и интерпретирован.

На наш взгляд, для сценариста и режиссера праздничных форм культуры характерно «полное» чтение: помещение себя в событие, создание для себя события. Читаемые тексты – это «генераторы событий» [3]. Условно, работу над сценарным материалом, можно поделить на два этапа. Поскольку первым ориентиром (этапом) в отборе сценарного материала служит, как правило, событие, которому посвящается та или иная праздничная программа, театрализованное представление и т.д. Событие, его масштаб и содержательная направленность определяют "границы" отбора материала. На втором этапе работы с материалом, изучая проблему, сценарист из массы материала отбирает только тот, который отвечает его творческому замыслу [7]. Для сценариста характерно чтение, внутри которого работают собственные читательские представления и рефлексия,

т.к. смысловым содержательным стержнем в творческом процессе выступает художественное мышление сценариста, развитые творческие качества, такие, как воображение и фантазия, умение в эмоционально-образной форме реализовать свой замысел [8].

Ильина С.В. пишет о том, что не существует одного единственно возможного понимания текста, а значит и единственно возможной интерпретации текста, которая бы полностью повторяла авторский замысел [3]. На наш взгляд, интерпретация, как явление, не преследует цели повторить авторский замысел и претендовать на единственно возможное понимание. Оценивать интерпретацию с данного ракурса, на наш взгляд, неправильно, поскольку интерпретация преследует все же отличные цели. Так, Ю. Лотман утверждает о том, что акт понимания – есть тайная химия жизни, потому что – или мы понимаем, или не понимаем. Нельзя понять неправильно или не совсем правильно понять [5]. Потому что понимание произведений культуры меняется не только от эпохи к эпохе, но и в восприятии отдельного человека. Художественный образ литературного произведения обладает наиважнейшим свойством – неисчерпаемостью, потенциальной многозначностью, позволяющей извлекать из одной и той же мысленной картины тысячу неожиданных и непредвиденных мыслей. И это влечёт за собой усложнение смыслового содержания данного текста [2]. Значит, происходит и усложнение интерпретации. Таким образом, понимание – это личностный фактор, следовательно, можно сделать вывод, что интерпретация *текста* зависит от субъективных особенностей читателя и объективных качеств текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Электронный ресурс]. / М.М. Бахтин – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/375783-mihail-bahtin-estetika-slovesnogo-tvorchestva.html>. – Загл. с экрана
2. Зритель в искусстве: интерпретация и творчество. / Материалы всероссийской конференции 26-27 марта 2007 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2007. – 351 с.
3. Ильина, С.В. Методические указания [Электронный ресурс]. / С.В. Ильина – Режим доступа <https://studfiles.net/preview/3203490/> – Загл. с экрана
4. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии [Текст] / Б.И. Кононенко – Москва: Вече, 2003. – 512 с.
5. Лотман, Ю. Избранные статьи [Электронный ресурс]. / Ю. Лотман – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm>. – Загл. с экрана.
6. Лукин, В. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. / В. Лукин. – М.: Изд-во «Ось-89», 2005. – 560 с.
7. Марков, О.И. Методика создания сценария клубного театрализованного представления [Текст]. / О.И. Марков – 1985. – 86 с.
8. Марков, О.И. Сценарная культура режиссера театрализованных представлений и праздников [Электронный ресурс]. / О.И. Марков – Режим доступа: http://gendocs.ru/v42049/марков_о.и._сценарная_культура_режиссеров_театрализованных_представлений_и_праздников. – Загл. с экрана.

Материал поступил в редакцию 20.02.18.

TEXT AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF INTERPRETATION: THE BACKGROUND AND PRACTICAL PARALLELS WITH THE CREATIVE METHOD OF WRITER-DIRECTOR'S WORK OF FESTIVE FORMS OF CULTURE

E.A. Bukhreyeva¹, O.V. Kuzmina²

¹ Student, ² Candidate of Cultural Studies, Associate Professor
Kemerovo State Institute of Culture, Russia

Abstract. *A brief genesis and peculiarities of work with interpretation are given. The practical significance of screenwriting and one of the creative methods of creating a scenario of festive forms of culture, interpretation of literary works are revealed.*

Keywords: *interpretation, text, author's concept.*

УДК 80

**РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМАТОВ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

Д. Хрущева, магистр гуманитарных наук, научный сотрудник
Институт русской культуры им. Ю. Лотмана
Рурский университет (Бохум), Германия

***Аннотация.** В этой статье рассматривается роль современных коммуникационных онлайн-механизмов, таких как социальные медиа, социальные сети и блоги в развитии журналистики и ее языка в России. Особое внимание уделено сравнению этих новых каналов коммуникации с такими историческими явлениями, как салон и самиздат. Конкретным примером новой формы публикации в интернете является так называемый лонгрид – длинный журналистский материал с большим количеством мультимедийного контента.*

***Ключевые слова:** онлайн-механизмы, социальные медиа, лонгрид, журналистика.*

В изучении особенностей русскоязычных социальных медиа (англ. social media) очень сложно ограничиться лишь некоторыми аспектами, поскольку в последние 10-15 лет эти средства массовой информации и коммуникации развивались чрезвычайно интенсивно. Кроме непосредственно технической стороны вопроса, а также значения новых коммуникационных и информационных инструментов, важную роль во всем процессе играли и продолжают играть политические события в России и за рубежом, экономические и социальные факторы, этапы развития гражданского общества и многое другое.

Особый интерес вызывает сама форма современных социальных медиа в России. Иногда их называют альтернативой информационной монополии крупнейших СМИ, сравнивают с таким историческим явлением, как самиздат, а также говорят о том, что соцсети и блоги существуют в традиции салонов – литературно-художественных и политических кружков, в которых помимо прочего ведутся беседы на острые политические и социальные темы, обсуждаются литературные новинки, культурные события, пишутся и комментируются публицистические и аналитические тексты, и в этой среде развивается и видоизменяется весь живой русский язык.

Мнения активных пользователей интернета, сторонних наблюдателей, а также иногда и специалистов о развитии и трансформации русского языка в сети в основном делятся на два вида: одни считают, что русский язык страдает от интернета в целом и от социальных сетей в частности; другие уверены, что процессы, протекающие в интернете и социальных медиа – это закономерное явление, очередной этап развития – бурного, разностороннего, плодотворного.

Более полувека назад Корней Иванович Чуковский выбрал в качестве эпиграфа к своей книге о русском языке *Живой как жизнь* цитату Николая Васильевича Гоголя: «В нем (в русском языке) все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно».¹ Размышления и заметки о развитии русского языка Чуковский начинает с рассказа о юристе и академике Анатолии Федоровиче Кони и его отношении к новым языковым явлениям: «[...] Кони в ту пору был уже стар. Он поступал, как и большинство стариков: отстаивал те нормы русской речи, какие существовали во времена его детства и юности. Старики почти всегда воображали (и воображают сейчас), будто их дети и внуки (особенно внуки) уродуют правильную русскую речь».² На протяжении всей книги Чуковский доказывает, что речь находится в непрерывном развитии, ее нормы и правила всегда подвергались и подвергаются изменениям, безостановочные, часто стихийные, процессы происходят постоянно. При этом всегда находятся люди, которым такие изменения оказываются не по душе. Иностранские заимствования, вульгаризмы, сленг, диалектные выражения, сложносоставные слова – критики обрушиваются на самые разные явления языка. Между тем, все эти явления связаны с различными внешними факторами, среди которых один из самых важных – технический прогресс.

Появление компьютеров и интернета стало причиной колоссального расширения русской лексики, поскольку новая реальность невозможна без «нового» языка. Неологизмы и профессиональные термины довольно быстро вошли в обиходную речь, а язык в интернете живет по собственным правилам.

В своей книге *О чем речь* лингвист и филолог Ирина Левонтина сравнивает речевую активность в интернете с салонами «предпушкинской и пушкинской эпохи». ³ Она комментирует описание салона в черновых набросках к роману А.С. Пушкина *Евгений Онегин*:

Литературный русский язык в то время чрезвычайно интенсивно развивался. Так получилось, что вообще у нас в качестве литературного языка долгое время фигурировал церковнославянский, и необходима была огромная работа по созданию собственно русского литературного языка. Этим занимались писатели, журналы, шли яростные споры о языке (в частности, полемика «архаистов» и «новаторов»), но только активности писателей было бы тут недостаточно. [...] Новые языковые нормы надо было отработать, надо было обкатать те новые слова, которые в огромных количествах появлялись в сочинениях литераторов. Так что для того времени салон – это чрезвычайно важное для развития литературного языка явление. ⁴

С таким салоном, в котором «бурлит живой язык», «отрабатываются новые средства выражения» и «создается питательная среда для литературы» ⁵ Левонтина сравнивает социальные сети, в частности Фейсбук. При этом она отмечает, что языковые искажения, которые как раз у многих читателей вызывают споры о своей правомерности, в живой среде интернета и соцсетей имеют свой смысл и выполняют целый ряд функций. Одна из таких функций – преодоление разрыва между устной и письменной речью. То есть интернет и соцсети, как одна из новых форм коммуникации, способствуют развитию и новой формы языка – «устно-письменного», «промежуточного» – письменного по форме, но с имитацией устной речи. Этим явлением занимаются многие ученые, они описывают различные параграфические средства для компенсации отсутствия эмоциональности и передачи интонаций, а также изучают возникновение эрративов ⁶ и других языковых приемов для маркирования печатного текста как устного сообщения. Все эти приемы становятся частью языковых игр в интернете, которые, в свою очередь, тоже могут восприниматься неоднозначно: с одной стороны – как обогащение языка за счет возникновения и развития новых формальных средств, с другой стороны – как снижение стилистических стандартов и негативное влияние на язык поколения в целом.

При этом, один и тот же пользователь может делать высказывания и оставлять сообщения в сети в разных речевых жанрах: от простой «болтовни» или спонтанной реакции на публикации и реплики оппонентов до художественных зарисовок и серьезных публицистических, аналитических текстов. Все это составляет свободу виртуального самовыражения, которую предоставляет новое информационное пространство.

Существование серьезных текстов в интернете позволяет говорить о появлении новых форм журналистики и литературы. Интернет в самом начале своего развития в России, а позже более узко – блоги и социальные сети, нередко сравнивают с еще одним историческим понятием – самиздатом. Одним из первых такую параллель провел писатель и журналист, один из родоначальников рунета, Сергей Кузнецов. В своей статье *Между самиздатом и сетературой* 1997 года он говорит о том, что «русскоязычный интернет [...] начинался как явление в высшей степени литературное». ⁷ Это проявлялось следующим образом: в сеть в большом количестве стали выкладывать произведения классических писателей, стали формироваться целые виртуальные библиотеки, онлайн-собрания различных публикаций и авторов. Сергей Кузнецов говорит, что «именно из самиздатских источников по большей части и сформированы виртуальные русские библиотеки». ⁸ Также пионеры рунета использовали новую площадку для распространения собственных текстов – литературных и публицистических. Кузнецов пишет:

Учитывая традиционный русский литературоцентризм, ничего удивительного, что среди рассеянных по всему миру русских интернетчиков оказалось достаточно много людей, писавших стихи и романы, рассказы и пьесы. Свои произведения они выкладывали на Сеть [sic] – можно сказать, публиковали on line. Таким образом, Интернет оказывался новой разновидностью самиздата, в котором можно было напечатать свои произведения, обычно вовсе не тратя денег и, главное, практически неограниченным тиражом. ⁹

Спустя несколько лет Сергей Кузнецов сравнивает самиздат уже не с интернетом в целом, а с блогами в Живом Журнале ¹⁰: «Иными словами, ЖЖ [...] оказывается очень своевременным инструментом, еще раз напоминая, что сочетание публичности и частности как раз и было характерной чертой тех самых семидесятых, второе пришествие которых мы – с неизбежными поправками – наблюдаем сегодня». ¹¹

Постепенно рунет стал электронным средством для самопубликации, которое сегодня связано не только с чисто творческой необходимостью, но и с экономическими и политическими причинами. Наиболее полно и широко явление «нового самиздата» или «политически мотивированного [электронного] самиздата» ¹² описала в некоторых своих работах немецкий славист Энрике Шмидт (Henrike Schmidt). Причинами такого явления она называет не только политику издательств, но и политику всего государства, которое монополизирует средства массовой информации, ограничивает доступ к источникам, а также широко использует механизмы контроля и цензуры. ¹³

Популярность блогов в начале 2000-х годов говорит о том, что именно в сети стал возможен тот накал

страстей, который существовал в эпоху толстых журналов и самиздата. Одной из причин такой популярности, вероятно, стала сама форма публикаций в сети, где за счет интерактивности (скорость появления и распространения публикаций, функция комментирования) и, так сказать, универсальности и идеологической нейтральности площадки дистанция между автором и читателем сокращена по сравнению с обычным литературным и редакционным процессом. Определенный тип постов (публикаций в блогах) похож на классический жанр колонки – авторского высказывания на злободневную тему. То есть можно сказать, что блогеры – это новые колумнисты. Некоторые исследователи также говорят о «конкуренции» между блогерами и профессиональными журналистами. На законодательном уровне в Российской Федерации блоги, соответствующие определенным условиям, уже признаны одним из средств массовой информации.¹⁴

По сути, блогеры стали выполнять функцию (онлайн-)журналистов. В недолгой истории русского интернета было несколько довольно ярких эпизодов, когда электронные источники передачи информации фактически брали на себя ответственность за трансляцию и распространение информации о важных событиях в стране. В качестве примеров можно назвать передачу сообщений из Москвы во время августовских событий 1991 года через прототип современного интернета – сеть Usenet¹⁵; обмен информацией в ЖЖ во время захвата заложников в театральном центре на Дубровке в Москве в октябре 2002 года¹⁶; отчеты блогеров и пользователей соцсетей о митингах против результатов выборов в Государственную думу в декабре 2011 года.¹⁷

То есть постепенно сеть, изначально используемая для хранения данных, чтения литературы и неформального общения между пользователями, превратилась в источник информации и платформу для публикации репортажей с места событий практически в режиме реального времени. Важнейшую роль в этом процессе стали играть блоги и социальные медиа. Журналист Юлия Идлис пишет: «Размыв границу между частным и публичным, приватным и широко известным, блоги породили новый тип работы с информацией, ее источниками, фигурантами и адресатами, а также новый тип отношения к разного рода авторитетам и иерархиям».¹⁸ От блогов к соцсетям делает переход российский медиа-аналитик и журналист Василий Гатов:

Когда интернет «освободил авторство», предоставив миллионам, а теперь уже и миллиардам авторов возможность сообщить свое мнение миру совершенно бесплатно, при минимальных технологических и профессиональных познаниях, в какой-то момент показалось, что «блоги убьют СМИ»; чуть позже «убийцей» стали социальные сети.¹⁹

Доступ в сеть, скорость появления информации, ее постоянное обновление и конкуренция источников привели к тому, что у аудитории изменилась привычка медиапотребления. Как уже было сказано ранее, новостной контент теперь могут создавать любые пользователи сети, не только профессиональные журналисты. Существует мнение, что вдумчивое чтение длинных текстов – неважно, газетных или сетевых – теряет свою популярность и значимость. Все это приводит к изменениям и качества журналистского продукта, он страдает от новых условий и скоростей информационного потребления. Некоторые исследователи сравнивают эту новую форму подачи информации и новостей с «фастфудом»²⁰: авторы медиатекстов склонны к сокращению материала и изложения, а общее увеличение объема распространяемой информации заставляет онлайн-медиа постоянно конкурировать в борьбе за внимание пользователей, которое все сложнее удерживать. Ученые говорят о процессе «твиттеризации» медиа, то есть о создании текстов в стиле микроблогов и соцсетей – коротких и емких сообщений²¹. Такое поведение авторов и пользователей ведет к тому, что первые производят слишком много специально адаптированной информации, а вторые не справляются с ее потоком и «отучаются» читать длинные аналитические материалы.²²

Однако длинный текст, сделанный профессионалом или на профессиональном уровне, все-таки не исчезает с медийного поля, он, скорее, обретает «новую жизнь», видоизменяясь и обрастая новыми качествами и особенностями в цифровом пространстве. В последние несколько лет в новых медиа появилось такое явление, как журналистика длинных форм (англ. long-form journalism) и одно из ее проявлений – лонгрид (англ. longread – «долгое чтение»). Особенности этого нового формата (а лонгрид – это именно формат, а не жанр) заключаются в специфических характеристиках подачи информации, когда текст – стержневой элемент лонгрида – снабжается различными мультимедийными материалами (фотографиями, видео- и аудио-фрагментами, графикой, таблицами и проч.). Благодаря такому широкому мультимедийному «полотну», наглядности и многомерности текста, в котором пользователь воспринимает историю как объемную картинку, у него создается эмоциональное вовлечение, эффект присутствия, он «погружается» в материал. С одной стороны, лонгриды возрождают текстовую коммуникацию, с другой – они выходят на новый уровень и представляют собой новый тип медиатекста – сочетание текста и аудиовизуальной составляющей.

Диана Кульчицкая и Артем Галустян в своей книге *Лонгриды в онлайн-СМИ: Особенности и технология создания* дают такое определение новому формату:

Мультимедийный лонгрид – это журналистское произведение, в основу которого заложен длинный текст, сопровождаемый насыщенным аудиовизуальным рядом. Формат предполагает глубокое погружение читателя в тему, а также серьезную проработку журналистом большого количества источников по предмету исследования.²³

Некоторые исследователи считают, что лонгриды – это наследники крупных форм, которые назывались очерками, расширенными репортажами, корреспонденцией и в свое время были характерны для толстых журналов. Формат лонгрида сочетает в себе черты традиционных журналистских жанров: репортажа, расследования, интервью и проч. В этом новом формате нашли применение и приемы из области документального кино: тексты внутри одного материала могут выстраиваться подобно главам или сериям, со своей драматургией и сюжетом. Здесь можно даже говорить о «режиссуре» материала, последовательности его текстовых частей и мультимедийных блоков. Таким образом, у авторов получается не просто статья, а отдельное произведение, которое благодаря своему набору дополнительных «гибридных» характеристик превращается в постоянно расширяющийся контент.

И в нем, кстати, не обходится без взаимосвязи серьезных журналистских материалов и «быстрого формата» социальных сетей. Именно благодаря их скорости, интерактивности и популярности, эффективным способом рекламы, распространения и привлечения читателей становятся анонсы и публикации в соцсетях ссылок на репортажи.

В заключение стоит сказать, что постепенно с развитием новых коммуникационных форм и повышения общего уровня компьютерной грамотности интернет из узкопрофессионального «заповедника» и достаточно маргинальной среды превратился в мультимедийное и мультикультурное пространство. Классический репортажный текст в нем трансформируется в онлайн-трансляцию, авторское расследование – в объемную мультимедийную историю, блогер становится новым кolumnистом, а его тексты – новой авторской (онлайн-) журналистикой. В этих условиях мультимедийной коммуникации профессиональные журналисты осваивают новые форматы, сохраняя разнообразие жанров и тем. Такое развитие, с одной стороны, роднит сетевую журналистику и публицистику с традициями самиздата. С другой стороны, новые форматы – достаточно свободные в языковом и стилистическом плане, но при этом отражающие актуальные события или дискутирующие на острые современные и исторические темы – могут считаться преемниками салонной культуры. Такое сочетание прогресса и традиций дает отличную возможность наблюдать – в режиме реального времени – за развитием, изменением и обогащением всего русского языка.

Примечания

¹ Чуковский, К. Живой как жизнь / К. Чуковский. – Москва, 1962. – С. 3.

² Там же, С. 4.

³ Левонтина, И. О чем речь / И. Левонтина. – Москва, 2016. – С. 500.

⁴ Там же, С. 500–501.

⁵ Там же, С. 501.

⁶ Эрратив – слово или выражение, подвергнутое умышленному искажению носителем языка, владеющим литературной нормой, для придания особого эффекта или создания языковой игры. Термин ввел в употребление филолог Гасан Гусейнов в 2005 году. Подробнее: Г. Гусейнов, Эрратическая семантика, 29.07.2012. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/3379> (25.02.2018).

⁷ Кузнецов, С. Между самиздатом и сетературой, Русский телеграф, 1997, цитата по: его же, Ощупывая слона. Заметки по истории русского Интернета / С. Кузнецов. – Москва, 2004. – С. 118.

⁸ Кузнецов, С. Самиздат без политики, Русский журнал, апрель 1998, цитата по: его же, Ощупывая слона. Заметки по истории русского Интернета / С. Кузнецов. – Москва, 2004. – С. 392.

⁹ Кузнецов, С. Между самиздатом и сетературой, Русский телеграф, 1997, цитата по: его же, Ощупывая слона. Заметки по истории русского Интернета / С. Кузнецов. – Москва, 2004. – С. 119. В этом примере интересно также употребление предлога «на» в сочетании с существительным «сеть», которое встречается в публикациях на тему интернета в конце 1990-х годов. Снова у Сергея Кузнецова: «Несмотря на то что возможностью опубликоваться на Сети раньше, чем на бумаге, обычно пользовались молодые и непечатавшиеся прозаики и поэты...» и далее: «Борис Стругацкий, один из самых любимых на Сети авторов» (С. Кузнецов, Буря в стакане винта, Время МН, июль 1998, цитата по: его же, Ощупывая слона. Заметки по истории русского Интернета / С. Кузнецов. – Москва, 2004. – С. 124.). Вероятно, образовано по аналогии с употреблением «на бумаге» (опубликовать на бумаге – опубликовать на Сети), либо путем перевода английского «online» («на линии»). Также встречается употребление «доступен по Сети», вероятно по аналогии с «по радио», «по телефону»: «Многие авторы, узнав, что их текст доступен по Сети, дают согласие на его существование в таком виде...» (С. Кузнецов, Запутавшиеся в сетях, Время МН, июль 1999, цитата по: его же, Ощупывая слона. Заметки по истории русского Интернета / С. Кузнецов. – Москва, 2004. – С. 193.). Сегодня устойчивы выражения «выложить в сеть», «опубликоваться в сети», «доступны в сети».

¹⁰ Американский сайт LiveJournal – платформа для ведения индивидуальных онлайн-дневников была создана в марте 1999 года, в России его популярность началась примерно в феврале 2001 года.

¹¹ Кузнецов, С. Ежедневный поэм, НасНет, август 2001, цитата по: его же, Ощупывая слона. Заметки по истории русского Интернета / С. Кузнецов. – Москва, 2004. – С. 368.

¹² Schmidt, H. Kreative Selbstartikulation und Verbot: RuNet und die Tradition des Samizdat, [In:] Osteuropa, 60 (2010) 11. – P. 100.

¹³ Там же.

¹⁴ В соответствии с так называемым «Законом о блогерах» авторы интернет-ресурсов (сайтов, блогов и проч.) с аудиторией свыше 3000 пользователей в сутки обязаны регистрироваться в организации Роскомнадзор, в дальнейшем к ним применяются все ограничения, установленные в России для СМИ. Подробнее: Федеральный закон от 5 мая 2014 г. N 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/05/07/informtech-dok.html> (25.02.2018).

¹⁵ Подробнее: Н. Конрадова, Путч в юзнете. Зал несостоявшейся славы, 16.08.2016. – Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/natalia-konradova/putch-usenet> (25.02.2018).

¹⁶ Подробнее: С. Кузнецов, Ощупывая слона. Заметки по истории русского Интернета / С. Кузнецов. – Москва, 2004. – С.378-384.

¹⁷ Подробнее: М. Литвинович, Россия: социальные сети мобилизуют общество, 20.12.2011. – Режим доступа: <https://ru.globalvoices.org/2011/12/20/8102/> (25.02.2018).

¹⁸ Идлис, Ю. Рунет: Сотворенные кумиры / Ю. Идлис. – Москва, 2010. – С. 11.

¹⁹ Будущее журналистики / В. Гатов. – в А. Амзин и др. Как новые медиа изменили журналистику 2012-2016. – Екатеринбург, Москва, 2016. – С. 246.

²⁰ Кульчицкая, Д.Ю. Лонгриды в онлайн-СМИ: Особенности и технология создания / Д.Ю. Кульчицкая, А.А. Галустьян. – Москва, 2016. – С. 4.

²¹ От названия социальной сети для публичного обмена сообщениями Twitter. Максимально допустимое число знаков в одном сообщении – 280 символов (до ноября 2017 года – 140 символов).

²² Мультимедийные лонгриды как новый формат онлайн-журналистики / Д.Ю. Кульчицкая, А.А. Галустьян. – в А. Амзин и др. Как новые медиа изменили журналистику 2012-2016. – Екатеринбург, Москва, 2016. – С. 179.

²³ Кульчицкая, Д.Ю. Лонгриды в онлайн-СМИ: Особенности и технология создания / Д.Ю. Кульчицкая, А.А. Галустьян. – Москва, 2016. – С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будущее журналистики / В. Гатов. – в А. Амзин и др. Как новые медиа изменили журналистику 2012-2016. – Екатеринбург, Москва, 2016. – С. 206–267.

2. Гусейнов, Г. Эпратическая семантика / Г. Гусейнов. – 29.07.2012. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/3379> (25.02.2018).

3. Идлис, Ю. Рунет: Сотворенные кумиры / Ю. Идлис. – Москва, 2010.

4. Конрадова, Н. Путч в юзнете. Зал несостоявшейся славы / Н. Конрадова. – 16.08.2016. – Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/natalia-konradova/putch-usenet> (25.02.2018).

5. Кузнецов, С. Ощупывая слона. Заметки по истории русского Интернета / С. Кузнецов. – Москва, 2004.

6. Кульчицкая, Д.Ю. Лонгриды в онлайн-СМИ: Особенности и технология создания / Д.Ю. Кульчицкая, А.А. Галустьян. – Москва, 2016.

7. Левонтина, И. О чем речь / И. Левонтина. – Москва, 2016.

8. Литвинович, М. Россия: социальные сети мобилизуют общество / М. Литвинович. – 20.12.2011. – Режим доступа: <https://ru.globalvoices.org/2011/12/20/8102/> (25.02.2018).

9. Мультимедийные лонгриды как новый формат онлайн-журналистики / Д.Ю. Кульчицкая, А.А. Галустьян. – в В. А. Амзин и др. Как новые медиа изменили журналистику 2012-2016. – Екатеринбург, Москва, 2016. – С. 179–205.

10. Чуковский, К. Живой как жизнь. / К. Чуковский. – Москва, 1962.

11. Schmidt, H. Kreative Selbstartikulation und Verbot: RuNet und die Tradition des Samizdat, [In:] Osteuropa, 60 (2010) 11. – P. 85–103.

Материал поступил в редакцию 28.02.18.

RUSSIAN-SPEAKING SOCIAL MEDIA: CHARACTERISTICS OF FORMATS AND HISTORICAL CONTEXT

D. Khrushcheva, Master of Arts, Research Associate
Lotman Institute for Russian Culture,
Ruhr-University (Bochum), Germany

Abstract. *This article covers the role of the modern communication online-mechanisms such as social media, social networks and blogs for the development of journalism and its language in Russia. Specific attention is paid to the comparison of these new channels to such historical phenomena as salon and samizdat. A particular example for the new publications' forms in the internet is reported on a so-called longread – a longer article with larger amount of multimedia content.*

Keywords: *online-mechanisms, social media, longread, journalism.*

UDC 1751

ACCURACY IN COURT INTERPRETING

Agnieszka Biernacka, Ph.D., Assistant Professor
 Institute of Applied Linguistics, University of Warsaw, Poland

Abstract. *In Poland, the right to a fair trial is guaranteed in both international and national documents: the Universal Declaration of Human Rights of 10 December 1948, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950, the Charter of Fundamental Rights of the European Union (2000/C 364/01), and Directive 2012/13/EU of the European Parliament and of the Council of 22 May 2012 on the right to information in criminal proceedings; the Polish Code of Civil Procedure, and the amended (by way of implementation of Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime) Code of Criminal Procedure. An ethical principle of accuracy binding upon Polish court interpreters, as set forth in the Polish Sworn Translator's Code (applied equally by sworn translators, court interpreters, and public service interpreters in all settings), contribute to making a non-Polish speaking party to court proceedings understand and be understood. Taking the above into consideration, interpreters are admonished against literal interpreting, which can possibly modify a sense of the original statement. As Shlesinger notices, the requirement of accuracy in court interpreting is so fluid that it "leaves considerable discretionary power to the interpreter" (1991: 153). The aim of this study is to discuss the concept of accuracy in court interpreting on the basis of naturally occurring data. The episodes of interaction are analyzed from the point of view of complying with ethics and classified according to a particular problem faced by the interpreters.*

Keywords: *court interpreting, code of ethics, accuracy, inaccuracy.*

In Poland, court interpreting is provided by sworn translators whose profession is governed by the Act on the Profession of Sworn Translator of 25 November 2004. Pursuant to Article 7.1 thereof, sworn translators are bound by the following oath taken with the Minister of Justice:

Being aware of the significance of my words and my liability before the law, I do solemnly affirm that I will perform the tasks of sworn translator and interpreter entrusted to me with due diligence and impartiality, keeping state secrets and other secrets protected by the law, as well as following, in my conduct, the rules of honesty and professional ethics.

A significance of the oath consists in that it provides a definition of the sworn translator as a professional who follows the ethical principles of diligence, impartiality and confidentiality, while the importance of the whole Act derives from the fact of anticipating the provisions of Directive 64/2010/EU of the European Parliament and of the Council of 20 October 2010 on the right to interpretation and translation in criminal proceedings which defines a quality interpreting in legal settings as enabling the parties to the proceedings to be provided with the information about possible allegations against them and about the rights they have.

As regards legal framework for the interpreter's assistance in court proceedings in Poland, the right to a fair trial is guaranteed in both international and national documents: the Universal Declaration of Human Rights of 10 December 1948, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950, the Charter of Fundamental Rights of the European Union (2000/C 364/01), and Directive 2012/13/EU of the European Parliament and of the Council of 22 May 2012 on the right to information in criminal proceedings; the Polish Code of Civil Procedure, and the amended (by way of implementation of Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime) Code of Criminal Procedure.

Accuracy in interpreting according to the Polish Sworn Translator's Code

Court interpreters in Poland are expected to follow the recommendations set forth in the Polish Sworn Translator's Code of 2011.

As far as accuracy in interpreting is concerned, according to §68 of the Sworn Translator's Code, it is defined

not only as the sworn translators' obligation "to translate statements made by foreigners exactly in the form in which they heard them, rendering the whole content, without omitting, adding or modifying anything" [2011, 11], but also as a possibility to comment on what the parties have said if such comments can contribute to a better understanding of the original utterance. Thus, accuracy is described in a broad sense; what is more, it is the sworn translators' responsibility to choose between "word-by-word" translation/interpretation (considered by non-professionals as "faithful"), and a "free" translation/interpretation (understood as departure from "accuracy") [Kierzkowska 2005, 26].

Accuracy vs. verbatim interpreting

Legal professionals and translation and interpretation scholars represent the conflicting views concerning the notion and meaning of accuracy – the former require verbatim interpretation [Mason 1999, 150], while the latter expect meaning-based translation [Mikkelson 1999]. This opposition is referred to as the interpreter's being either a faithful renderer of the utterances or an advocate [Hale 2008, 101]. Furthermore, it is noticed that the communicative act can be perceived as either 'talk-as-text' or 'talk-as-activity', that is, that the interpretation is perceived as either isolating the utterances from the context and providing a verbatim interpretation of words and phrases, or that the talk is considered as embedded in the context, and the interpreter is an active coordinator of the interaction [Wadensjö 1998: 110]. Due to this ambiguity relating to the understanding of the concept of accuracy, the expectations as to the court interpreters' responsibility to provide verbatim interpretation are a big challenge [González, Vásquez, Mikkelson 1999: 314].

Interestingly, and taking the above into consideration, interpreters are admonished against literal interpreting, which can possibly modify a sense of the original statement. Shlesinger notices that the requirement of accuracy in court interpreting is so fluid that it "leaves considerable discretionary power to the interpreter" (1991: 153), although such approach may be questioned in the case of court interpreting.

Not surprisingly, it is stated that "(i) n a formal proceeding (...) the interpreter should (...) interpret faithfully and accurately to the best of her ability the words that are about to be spoken" [Edwards 1995, 82-83], a consequence of which is a conviction that the interpretation should be accurate and faithful not only on the level of sentences and expressions, but also words, which means word-by-word interpretation. Therefore, it is not the interpreter's task to evaluate whether an original utterance is clear or unclear to recipient of the message, and thus "[a] reply of 'Huh?' should be repeated as 'Huh?' [...]" [Edwards 1995, 87]. Indeed, the same opinion is shared by representatives of the judiciary who advice on the interpreter's obligation to provide literal interpreting [Edwards 1995, 94; Biernacka 2008, 187; Mikkelson 2010, 4].

In the light of these recommendations, it is not astonishing that the principle of accuracy is understood by court interpreters rather freely:

(1) "In my opinion I should translate in the way it was said. If the witness's answer is 'Yhy', then I translate it as 'Yhy' because it depends on a judge whether he understood it or he would ask additional questions to understand a sense of the answer" [Biernacka 2014: 56],

(2) "According to the ethical rules I should stick absolutely to the letter" [Wadensjö 1998, 251],

(3) "I communicate to the bitter end, I get involved to explain the situation. A foreigner has to know what is going on. Representatives of the judiciary also approach this issue in this way, so we exchange opinions" [Biernacka 2014: 114].

These contradictory opinions are a consequence of the fact, that although, in general, the codes of professional ethics do not equate accuracy and literal interpreting, it is recommended that interpreters not intervene in the content and form of utterances produced by original speakers [Hale 2007], which means that they are obliged to preserve style and register, and grammatical forms of the source utterance, interpret all elements of the source text along with offensive or swear words; as well as prohibit any comments or additions to the utterances of main speakers [Jacobsen 2004].

Furthermore, it is noticed that to equate an accurate interpreting with literal interpreting may lead to unintentional results as "[...] the fact that legal texts require precision and impose restrictions on the translator is all too often misconstrued to mean that they have to be translated literally, leading to unsatisfactory and awkward results" [Obenaus 1994, 248]. Hewitt addresses endless discussions on a definition of a precise interpreting by saying that:

[i]nterpreters are obligated to apply their best skills and judgment to preserve faithfully the meaning of what is said in court, including the style or register of speech. Verbatim, "word for word" or literal oral interpretations are not appropriate when they distort the meaning of the source language, [...]. [Hewitt 1995, 200]

Similarly, Morris indicates that an interpreter is to solve an internal conflict, which is a consequence of her affiliation to two linguistic communities; the interpreter knows both languages spoken during an interaction and by this is able to recognize those features of the speaker's utterance that could possibly "distort a communication process" [1993, 14]. Nevertheless, it is claimed that the degree to which the interpreters can or cannot intervene in the source text is unknown:

(...) interpreter's dilemma concerns the degree to which he or she is or is not entitled to draw attention to such factors, or even to use his or her discretion to independently provide, explicitly or covertly, information or material which can smooth out potential or actual distortions and misunderstandings. [Morris 1993, 14]

Undoubtedly, one of such problematic features of the speech is figurative meaning, which poses a huge challenge to be faced during courtroom interactions. Roberts suggests that the interpreter either apply an equivalent in the target language with the same figurative meaning, or, interpret literally and explain the figurative meaning, or, tell the judge that the client is using expressions with figurative meaning. [1990] When Edwards discusses the issue of interpreting the Spanish ‘no’ or ‘como no’ into English as ‘well, ah’ and ‘of course, naturally’, she points out that “(w)ith both these expressions, if the court hears a “no” in Spanish but does not hear a “no” in English, it may believe that there has been a misinterpretation, where there may not have been. [1995, 96] A possible lack of understanding between the parties to the communication process relating to a meaning, use and interpretation of the affirmative interjection ‘yes’ as the negative particle ‘no’ is illustrated by the following example, in which – during an interpreted hearing – the judge speaks Swedish and the suspect speaks Russian:

Judge: So you don’t confess the theft.

Interpreter: That is you don’t confess the theft.

Suspect: Yes.

Interpreter: No. (Wadensjö 1998, 23)

‘Yes’ expressed by the suspect and interpreted as ‘no’ could lead to a conclusion that the interpretation is not accurate, or, better to say, that the interpreter commits a fatal error. Nonetheless, Wadensjö explains that such a procedure can be considered an error in translation only when we look at an isolated fragment of an interaction, without taking into account the whole situation in which the interpretation is provided. Having in mind not only a social and cultural context, but also a multiple meaning of ‘yes’ in Russian, in the described example the suspect, by saying ‘yes’, does not answer the judge’s question; instead, he makes an introduction to his further statements and confirms that he understands what he is asked about. What is more, an equivalent of the Russian ‘yes’ used in such a meaning is a Swedish ‘no’. Thus, it is obvious that the interpreter does not make an error; contrary to that, the interpretation is accurate and reflects what the suspect actually says. [1998, 23-24]

Yet, there are communicative acts, where court interpreters are supposed to cope with a concept that is evidently unknown to them as to the meaning. In such cases, in the belief that the primary speakers understand the message, the interpreters resort to calques being the first possible equivalents of the source expression. Such procedure might, however, lead to confusions as regards the meaning, which is exemplified by the act of communication between English- and Spanish-speaking interlocutors, where the court interpreter believes that ‘molestar’ in Spanish and ‘sexually molest’ in English are equivalents [Hardy 2004, 4], or another pair (‘educado’ in Spanish and ‘educated’ in English). [Mason 1999, 150-151] Hence, “[...] meaning is subject to constant negotiation, literal translations lead to misunderstandings while, conversely, attempts by interpreters to convey intended meaning may sometimes lead them into hot water [...]” [Mason 1999, 149-150].

In general, court interpreters, in the knowledge of the existence of the principle of accuracy, which is ambiguously defined in the codes of professional ethics, by representatives of the judiciary, and by the interpreters themselves, have to assess to what extent they have to provide a verbatim interpretation or base their renditions on pragmatic meaning.

Methodology of the study

The study is based on a sample of naturally occurring data collected during a six-month search query conducted in 2015 in the Civil and Economic Divisions of the Regional Court in Warsaw, Poland, during which, upon obtaining an authorization from the President of the Regional Court, an access to thirty seven hours of recordings of trials attended by fourteen court interpreters working with Polish-English language pair was obtained, which translates into nine cases examined before the court.

The product-oriented, small-scale qualitative study is aimed at analyzing the ways the interpreters satisfy the ethical principle of accuracy, as well as at answering the question whether accurate interpreting provided in the courtroom equals verbatim interpreting.

Analysis

In the analyzed examples presented below, under each original interpretation provided in the courtroom, there is the author’s translation into English made only for informative purposes. The fragments in bold are those discussed in a particular example.

Example 1. Literal interpretation

(1) (a)

Defendant: And my experience so far well, she’s already told you everything, you need to know: no contact, that’s her wish, no contacts...

Interpreter: A moje doświadczenie jest takie, tak jak ona powiedziała, **tlumacząc dosłownie, czyli, tak jak... powiedziała...** przed..., przede mną, żadnych kontaktów...

Author’s translation: And my experience is like she’s already said, **I’m interpreting literally, that is, like... she’s said...** before... before me, no contacts...

The interpreter accurately renders the defendant's utterance. Moreover, the interpreter explicitly announces that the renditions are literal translations of the source text, and, even provides a definition of a literal interpretation, that is, the one reflecting exactly, i.e. *repeating* in the target language, what the primary party says. Therefore, it can be deduced that the interpreter is aware of the obligation to provide accurate interpretation, and, what is more, that the interpreter wants to satisfy this principle.

Example 2. Word-by-word interpretation

(2) (a)

Judge: **Co według strony powodowej było celem tej umowy?**

Interpreter: **What was the goal of this contract according to the plaintiff?**

Author's translation: What was the goal of this contract according to the plaintiff?

(2) (B)

Judge: **Czy ten stan takiego braku zrozumienia uległ pogorszeniu czy uległ poprawie?**

Interpreter: **Did this condition of lack of understanding got worse or better?**

Author's translation: Did this condition of lack of understanding got worse or better?

Witness: **No, it got worse.**

Interpreter: **Nie, pogorszył się.**

Author's translation: No, it got worse.

In (2) (a) and (2) (b), the interpreters provide word-by-word interpretation, which is possible when a lexical and grammatical load of the utterances requires only mechanical switch from one into the other language. More specifically, these two examples show that the condition attached to word-by-word interpretation are: short question-answer turns, simple syntax, limited (if not basic) vocabulary, as well as a register, which, although formal, is (almost) free from legal terminology.

Example 3. Use of calques

(3) (a)

Defendant: I decided, after 5 months of **alienation**, my wife's alienated me from my child.

Interpreter: Po 5 miesiącach takiej **alienacji** ze strony mojej żony, z dzieckiem...

Author's translation: After 5 months of such **alienation** on the part of my wife, with the child

The interpreter uses a calque (EN: *alienation* – PL: *alienacja*), which does not change the meaning of the defendant's utterance, but leads to an unintentional increase in register; whereas in English the word *alienation* belongs to a neutral register, the Polish *alienacja* is used in formal and/or scientific statements, as well as in poetry.

(3) (B)

Defendant: **The only time I left Poland was to go to London for 10 days.**

Interpreter: yyy... **Jedynym razem, kiedy właściwie wyjechałem to było do Londynu Na 10 dni.**

Author's translation: **The only time I actually left was to go to London for 10 days.**

The interpreter literally renders the syntax of the English utterance, which is comprehensible by the Polish recipients, but is not syntactically natural as for the Polish language due to reproducing the English 'the only time I left', which in the target language sounds nonchalant and messy.

Example 4. Use of hypernyms

(4) (A)

Judge: A gdzie pan przebywał **z córką**?

Interpreter: Where did you stay **with the child**?

Author's translation: And where did you stay **with your daughter**?

(4) (b)

Judge: Kiedy pan się **z synem** widział ostatni raz?

Interpreter: When did you see **the child** last time?

Author's translation: When did you see **your son** last time?

Defendant: Saturday.

Interpreter: W sobotę.

Author's translation: On Saturday.

In (4) (a) and (4) (b) the interpreters render the nouns **daughter** and **son** (who are the persons about whom the judge asks the defendant) as **child**. Considering a degree of lexical difficulty, it is certainly not the case of a lack of linguistic competences on the part of both interpreters. The fact that hypernyms are applied in the discussed renditions is a consequence of the interpreters' knowledge of the cases in which they appear before the court. It also proves that in a particular context, words are not or cannot be considered hypernyms or hyponyms just because they formally are such items; instead, they are deemed to be rather synonyms of the words that have been already used in the course of the act of communication. As a consequence, in both examples, the interlocutors do not ask for additional explanations concerning the identity of the child, which means that although linguistically the interpretation is confusing, from the point of view of a particular communicative act it is perfectly understandable by the judge and the parties to the proceedings.

Example 5. Shift in tenses

(5) (a)

Counsel: Jak **zrozumiał** pan tę część?

Interpreter: How **do you understand** that part?

Author's translation: How **did you understand** that part?

The interpreter renders accurately the counsel's question, with one exception; the counsel asks his question using a past tense, while the interpreter makes it present. This shift is understandable if grammatical differences between the source language and target language are considered. While in Polish a formally past form of the verb can be used to express not only historical events, but also those relating to the recent past and thus linked to the present, in English the present perfect tense is applied in such cases. Therefore, when the interpreter applies simple present, she probably does so to embed her question in the actual context in order to stress that the counsel's question refers to what has just been done, and not to the past, which has nothing in common with this particular communicative act. In other words, historical present is used to make the counsel's question clear to the witness.

(5) (b)

Judge: Czy jednym z elementów tego kontraktu **było** ustalenie przez wykonawcę, czy tego rodzaju kontrakty **SA** bardziej opłacalne?

Interpreter: Was the aim, one of the aims of the contract, **was** to settle if **it is** more profitable to introduce this kind of settlements, performance in the market in Poland? Is it more profitable?

Author's translation: **Was** one of the elements of the contract to determine by the contractor if such contracts **were** more profitable

Witness: Well, **that is** one of the criteria.

Interpreter: Tak, **to było** jedno z kryteriów.

Author's translation: Yes, **that was** one of the criteria

In (5) (b), when the judge asks a question, he uses past tense, and it is reproduced in the interpreter's rendition. However, when the witness answers the question, he uses present tense. Interestingly, the interpreter continues to apply the past tense. This shift from present to past might be a consequence of a characteristic of the Polish language in which, as distinct from English, there is no sequence of tenses. Thus, the judge's question is expressed with the use of both past and present, which is interpreted exactly following the grammatical pattern of the original sentence, thus the witness uses the present tense. In consequence, the interpreter, going back to the original sentence, renders it using the past form.

Example 6. Splitting long statements

(6) (a)

Witness: **Yes, the Bank didn't have any objections to our work at all.**

Interpreter: **Tak, Bank nie miał żadnych zastrzeżeń. Do naszej pracy.**

Author's translation: **Yes, the Bank did not have any objections. To our work.**

(6) (b)

Defendant: **She is a Polish scientist.**

Interpreter: **Ona jest Polką, naukowcem.**

Author's translation: **She is a Pole, a scientist.**

The interpreters accurately render the meaning of the answers provided by the witness ((6) (a)) and the defendant ((6) (b)). In both cases the interpreters break up the long sentences used by main speakers. In (6) (a) the splitting is rather unintentional. The second sentence, 'to our work' is actually a repair technique: apparently, the interpreter feels that the rendition of the first part only of the original utterance would be a generalization and could refer to any activities

to which the bank did not have any objections. In (6) (b), splitting (or, rather, partial interpretation, and then, adding the remaining part of the message) is a natural way in which this particular English sentence is interpreted into Polish. Word-by-word interpretation would, firstly, make the message too formal, and, secondly, it could, and would, call up unambiguous associations with great Polish female scientists, such as Maria Skłodowska-Curie.

Example 7. Combining short statements

(7) (a)

Witness: **Yes, she gets from here, from Poland. Yes, she gets a pension.**

Interpreter: **Tak, otrzymuje polską emeryturę budżetową.**

Author's translation: **Yes, she gets a Polish budgetary pension.**

The interpreter makes one sentence out of the two produced by the witness. The whole message is transmitted, therefore the interpretation is accurate.

Example 8. Conveying pragmatic meaning

(8) (a)

Judge: **Ojciec** pani...

Interpreter: Your **father-in-law**.

Author's translation: Your **father**.

The judge, when producing the utterance, nods towards the witness's wife, by which the interpreter perfectly understands that the judge refers to the witness's wife's father who in turn, is the witness's father-in-law. Therefore, the only accurate interpretation is the one actually provided by the interpreter. A literal interpretation of what the judge says ('your father') would not reflect actual meaning of the judge's utterance. Only the interpreter, who is immersed in the context of the communicative act, is able to latch on to a real sense of what is said. Indeed, if the interpreter rendered literally the judge's words, the witness probably might not be confused (assuming that he has got a father), but the interpreter's rendition would certainly violate the principle of accuracy.

(8) (b)

Judge: A żona ma jakieś schorzenia neurologiczne?

Interpreter: Does your wife suffer from some neurological disease?

Author's translation: And your wife has any neurological conditions?

Witness: **Yes. No. She is sometimes confused.**

Interpreter: Nie, po prostu czasami jest zaburzona.

Author's translation: **No, simply she is sometimes disturbed.**

To answer the judge's question, the witness says firstly 'yes' and then, while shaking his head, 'no', and afterwards adds an explication to his answer. The interpreter perceives the witness's 'yes' as a false start, thus chooses to render only 'no' version of the answer. The interpreter does so as a result of reading the witness's non-verbal behavior, and on the basis her linguistic competence: 'no' will pragmatically correspond to further explanations given by the witness. Although the rendition is not literal, it is accurate.

(8) (c)

Court: Teraz proszę o zabranie głosu panią adwokat.

Interpreter: Now the counsel will speak.

Author's translation: Now I ask the counsel to take the floor.

Defendant: **I understand.**

Interpreter: **Dobrze.**

Author's translation: **Good.**

The defendant says 'I understand' to confirm that he follows the act of communication and is aware of the order in which interlocutors will take the floor. The interpreter renders this by saying 'Good', which is not a literal translation of the defendant's words; nonetheless, the pragmatic meaning is conveyed.

Conclusions

Court interpreters are aware of the need to comply with the ethical principal of accurate interpreting as set forth in the Polish Sworn Translator's Code. The analyzed examples show that accuracy is understood and satisfied in different ways. In its most rigid form, it is perceived by the interpreters as an obligation to provide verbatim interpretation, which takes a form of express declarations made by the interpreters as to the literalness of the interpretation ((1)(a)).

Apart from that, accuracy is implicitly achieved and understood depending on a syntactic and lexical complexity of the original utterances. In the event of syntactically short and lexically uncomplicated original statements ((2) (a)-(2) (b)), the interpreters provide word-by-word renditions. Also, the same pattern prevails when original speakers use Latinisms ((3)(a)); in such cases the interpreters choose to use calques instead of resorting to Polish equivalents already well-rooted in the target language. The calques are applied not only at the level of terminology, but also when the syntax is concerned ((3) (b)), where an order proper of an English sentence is reproduced in the target language, which makes an impression of artificiality. Interestingly, at the level of lexical content, the use of hypernyms has been noticed ((4) (a)-(4) (b)), while a reverse procedure, consisting in the use of hyponyms on the part of interpreters, remains completely undetected. It has been noted that the more complex the source text is the less literal and the more pragmatic the renditions are. In such cases in the target text there appear: shifts in tenses ((5) (a)-(5) (b)), splitting long sentences into shorter ones ((6) (a)-(6) (b)), and combining short sentences to make one ((7) (a)). Moreover, the analysis shows that there are elements of speech, where the interpreters depart from transferring formal meaning of particular words in favor of conveying pragmatic meaning resulting from the context in which a given communicative act is carried out ((8)(c)). Such elements include statements ((8) (a)-(8) (b)) which need to be combined with non-verbal channels of communication of their senders to be interpreted accurately.

In general, it can be concluded that accuracy in court interpreting is achieved not only through word-by-word interpreting, but also through departing from verbatim renditions. This proves that court interpreters have to define accuracy in every single communicative act, taking into account both lexical content of the utterance and the context in which it has been produced.

REFERENCES

1. Act on the Profession of Sworn Translator of 25 November 2004. URL: www.ms.gov.pl (accessed 21.01.2017).
2. Biernacka, A. Intérprete jurídico Como intérprete comunitario: Intento de polémica con el Código de traductor jurado polaco a la Luz de tres juicios con la participación Del intérprete jurídico de español. Encuentros de Lingüística, traducción y enseñanza de la lengua española. Comps. J. Wilk-Racięska, J. Lyszczyna. Katowice, Oficyna Wydawnicza WIN, 2008. – 300 p. – P. 177–189.
3. Biernacka, A. Tłumacz w rozprawie sądowej. – URL www.sn.iksi.uw.edu.pl/.../0/SN+16+Agnieszka+Biernacka+Tlumacz+sadowy.pdf (accessed 20.02.2018).
4. Edwards, A. The Practice of Court Interpreting. Amsterdam/Philadelphia, J. Benjamins, 1995. – 192 p.
5. González, R.D. Fundamentals of Court Interpretation: Theory, Policy and Practice. / R.D. González, V.F. Vásquez, H. Mikkelson – Durham, NC, Carolina Academic Press, 1991. – 1612 p.
6. Hale, S. The Discourse of Court Interpreting. / S. Hale – Amsterdam. Philadelphia, J. Benjamins, 2007. – 271 p.
7. Hale, S. Controversies over the role of the court interpreter. Crossing Borders in Community Interpreting. Definitions and Dilemmas. / S. Hale – Comp.: C. Valero Garcés. Amsterdam/Philadelphia, J. Benjamins, 2008. – 291 p. – P. 99–121
8. Hardy, M. From the Prosecutor's Point of View: Ten Tips on Using Court Interpreters in Child Witness Cases. / M. Hardy // Proteus. – 2004. – № 13. – P. 4–5.
9. Hewitt, W.E. Interpretation: Model Guides for Policy and Practice in the State Courts. / W.E. Hewitt – Williamsburg, VA, National Center for State Courts, 1995. – 250 p.
10. Jacobsen, B. Pragmatic Meaning in Court Interpreting: An empirical study of additions in consecutively interpreted question-answer dialogues. / B. Jacobsen // Hermes. Journal of Linguistics. – 2004. – № 3. – P. 237–249.
11. Kodeks tłumacza przysięgłego z komentarzem. Comp.: D. Kierzkowska. Warszawa, Wyd. Tepas, 2005. – 208 p.
12. Kodeks tłumacza przysięgłego. URL: www.tepis.org.pl (accessed 18.12.2017).
13. Mason, I. Introduction. The Translator. / I. Mason // 1999. – № 5. – P. 147–160.
14. Mikkelson, H. Verbatim Interpretation: an Oxymoron. – URL: <https://acebo.myshopify.com/pages/verbatim-interpretation-an-oxymoron> (accessed 30.12.2007).
15. Mikkelson, H. Verbatim Interpretation Revisited. / H. Mikkelson // Proteus. – 2010. – № 19. – P. 2–4.
16. Morris, R. The interlingual interpreter – cypher or intelligent participant? / R. Morris // International Journal for the Semiotics of Law. – 1993. – № 6. – P. 1–21.
17. Obenaus, G. The Legal Translator as Information Broker. / G. Obenaus – Translation and the Law. Comp.: M. Morris. Amsterdam/Philadelphia, J. Benjamins, 1995. – 337. – P. 247–259.
18. Roberts, R. Interlingual Communication in Legal Settings. / R. Roberts – Proceedings of the Northeast Conference on Legal Interpretation and Translation. Comp.: A. M. Aguirre. Jersey City, NJ. – The Consortium of Educators in Legal Interpretation and Translation at Jersey City State College, 1990. P. 5–16.
19. Shlesinger, M. Interpreter Latitude vs. Due Process. Simultaneous and Consecutive Interpretation in Multilingual Trials. / M. Shlesinger – Empirical Research in Translation and Intercultural Studies: Selected Papers of the TRANS-SIF Seminar, Savonlinna 1988. Comp.: S. Tirkkonen-Condit. Tübingen, Hunter Narr, 1991. – P. 147–155.
20. Wadensjö C. Interpreting as Interaction. / C. Wadensjö – London and New York, Longman, 1998. – 312 p.

Материал поступил в редакцию 01.03.18.

ТОЧНОСТЬ В СУДЕБНОМ ПЕРЕВОДЕ

Агнешка Бернацкая, кандидат наук, адъюнкт
Институт прикладной лингвистики Варшавского университета, Польша

Аннотация. В Польше право на справедливое судебное разбирательство гарантируется как международными, так и национальными документами: Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 года, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, Хартией Европейского союза об основных правах (2000/С 364/01) и Директивой 2012/13/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 22 мая 2012 года о праве на информацию в уголовном процессе; польским Гражданским процессуальным кодексом, а также Уголовно-процессуальным кодексом с поправками (внесенными посредством внедрения Директивы 2012/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 25 октября 2012 года, устанавливающей минимальные требования к правам жертв преступлений, оказываемой им помощи и их защите). Благодаря этическому принципу точности, обязывающему польских судебных переводчиков в соответствии с Кодексом присяжного переводчика (применяемым в одинаковой степени и в любых условиях присяжными и судебными переводчиками, а также специалистами в области устного перевода для государственных и муниципальных нужд), не говорящая на польском языке сторона в судебном процессе может понимать услышанное и самой быть понятой. В связи с вышеизложенным переводчикам не рекомендуется переводить услышанное дословно, поскольку это может исказить смысл оригинального высказывания. Шлезингер отмечает, что требование точности в судебном переводе является настолько гибким, что оно «предоставляет переводчику значительную свободу действий» (Shlesinger 1991: 153). Целью исследования является обсуждение понятий точности в судебном переводе на основе естественных данных. Случаи интеракции анализируются с точки зрения соответствия с этикой и классифицируются на основе определенной проблемы, с которой сталкиваются переводчики.

Ключевые слова: судебный перевод, кодекс этики, точность.

УДК 81

АНТРОПОНИМЫ В СОСТАВЕ ОБРАЗНОГО СРАВНЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

В.М. Волова, преподаватель английского языка
Кафедра иностранных и латинского языков
Самарский государственный медицинский университет, Россия

***Аннотация.** Целью статьи является изучение лингвостилистического потенциала антропонимов в составе образного сравнения в публицистических текстах периодических изданий Великобритании и США. В статье даётся определение публицистического текста, образного сравнения. В статье рассматриваются стилистические особенности употребления антропонимов в составе образного сравнения. В статье приводятся примеры употребления антропонимов, встречающиеся в публицистических текстах англоязычных СМИ. В статье впервые рассматриваются антропонимы в составе образных сравнений, выполняющих функцию оценочного стереотипа.*

***Ключевые слова:** публицистический текст, антропонимы, тема сравнения, эталон сравнения, синтаксические средства сравнения, лексические средства сравнения, оценочный стереотип.*

Специфика массово-коммуникативных процессов в целом и публицистической коммуникации в частности заключается в том, что, в отличие от других видов социальной коммуникации, они предполагают с помощью текста обязательное взаимодействие автора и аудитории. Этот фактор обуславливает особую сложность создания публицистического текста, в который для эффективной коммуникации автор должен заложить максимальный потенциал – ведь другой возможности скорректировать взаимодействие читателя и автора не представится (прежде всего, это касается печатных СМИ). Т.Г. Добросклонская констатирует, что доля англоязычных медиатекстов во всем массиве текстов мировых СМИ является значительной. Это, по мнению исследователя, свидетельствует о глобализации мирового информационного пространства и экспансии англоязычной медиареши, оказывающей воздействие на формат и содержание текстов массовой информации, создаваемых на других языках [2, С. 222].

Следует признать, что, создавая журналистский текст, современный автор открывает его информационным запросам читателей, обладающих определенной коммуникативной компетенцией и когнитивной способностью, поэтому образующийся текст как бы «конгруэнтен», понятен своему читателю. Аудитория в определенной мере диктует необходимый стиль речи [4, С. 341]. Одной из особенностей этого жанра является стремление английских и американских авторов приукрасить сухое сообщение, используя различные приемы.

Неотъемлемым компонентом публицистического текста является ономастическая лексика. Степень частотности употребления различных ономастических групп в публицистических текстах обусловлены как лингвопрагматическими параметрами, стилиобразующим потенциалом, так и лингвокоммуникативной ценностью ономастических единиц в целом, а также задачами, целями публицистического текста, его содержательными характеристиками. Преобладающим ономастическим пластом в языке газет и журналов выступают антропонимы.

В отечественной и зарубежной лингвистике компаративные конструкции принято делить на предметно-логические (comparison) и образные (simile). В отличие от предметно-логических компаративных оборотов, в которых сравниваются предметы и явления одного порядка, в образных сравнениях сопоставляются предметы разного порядка [1, С. 77].

В структуре образного сравнения, в состав которого входят имена собственные, выделяется три элемента. Это тема сравнения (то, что сравнивается), образ или эталон (то, с чем сравнивается) и признак, на основании которого производится сопоставление. В зависимости от семантического заполнения позиции темы сравнения исследователи определяют семантические типы сравнительных конструкций: сравнение предметов, сравнение действий, сравнение качеств [3, С. 15]. Сравнительные конструкции, в состав которых входят антропонимы, охватывают все три типа. Тема сравнения во всех типах сравнительных конструкций относится к семантической сфере «Человек». Исключение составляет сравнение предметов, где тема сравнения может быть представлена сферой «Предмет». Иными словами, определенная личность или группа лиц, их действия или качества сопоставляются с эталоном – именем собственным в англоязычной лингвокультуре.

Образное сравнение выражается синтаксическими средствами, в основном сравнительными оборотами или придаточными предложениями, вводимыми такими функциональными словами, как *as, like, as if, as though, etc.* Например, статья под заголовком (1.) «*Meeting Anders Behring Breivik 'like meeting Hannibal Lecter': A psychologist testified at Norway mass killer Anders Behring Breivik's trial on Monday, comparing him to Hannibal Lecter, according to Agence France Presse. The psychologist, Eirik Johannesen, said, «Meeting Breivik was almost like*

meeting *Hannibal*», comparing him to the cannibal in «*Silence of the Lambs*» (E. Johannesen. Meeting Anders Behring Breivik 'like meeting Hannibal Lecter') [6]. Эффект этой статьи основан на ярком образе, в состав которого входит антропоним *Андерс Брейвик* (Anders Behring Breivik), совершивший массовое убийство в Норвегии. Он сравнивается с *Ганнибалом Лектером* (Hannibal Lecter), вымышленным персонажем, жестоким убийцей и людоедом. Признаками сравнения реального человека и вымышленного героя являются жестокость и массовость. Психолог, проводивший освидетельствование Брейвика, не иносказательно, а прямо сравнивает его с этим отвратительным персонажем (при помощи союза *like*), что позволяет добиться более сильного воздействия на читателя.

Автор другой публикации «*Reluctant First Lady? Melania Trump Wouldn't Be the First to Claim That Title*» сравнивает *Меланию Трамп* (Melania Trump) с *Жаклин Кеннеди* (Jacqueline Kennedy) не только по стилю одежды, но по стилю жизни – борьбе за свое уединение и нежеланию выставлять свою жизнь напоказ. Именно этой причиной объясняется то, что Мелания Трамп не торопится переезжать в Белый Дом. (2.) *Reluctant First Lady? Melania Trump «Wouldn't Be the First to Claim That Title» Now, Let's Address Those Comparisons to Jacqueline Kennedy. When it comes to Mrs. Trump and Mrs. Kennedy, the comparisons don't stop at fashion. Ms. Jellison said that Mrs. Kennedy embraced the role of first lady but tended to be fiercely protective of her and her children's privacy. There really is a driving, persistent narrative that is just going to shoehorn Melania Trump as the new Jackie Kennedy, Mr. Sferrazza Anthony said, «Jackie Kennedy was a student of history».* (K. Rogers. *Reluctant First Lady? Melania Trump Wouldn't Be the First to Claim That Title*) [8]. Антропоним *Жаклин Кеннеди* (Jacqueline Kennedy) выступает в качестве эталона сравнения – жена президента. На синтаксическом уровне в качестве элементов сравнения в данном примере выступает сравнительный союз *as, seems, than*; предложная конструкция типа *to shoehorn as + имя собственное*.

Следующий пример интересен тем, что в нем упоминаются такие имена собственные, как *Putin, al-Baghdadi* и *Lieutenant General Sir Richard Shirreff*, а также хронопоним *Brexit*. Премьер-министр Великобритании назвал Владимира Путина сторонником *Brexit* в одном ряду с Абу Бакр аль-Багдади – одним из лидеров ИГИЛ и Ричардом Ширреффом – экс-военачальником НАТО, написавшим книгу о потенциально возможной войне с Россией в 2017 г. Комплекс этих имен собственных в контексте *Brexit*, создает очень запоминающийся образ, связанный с проблемой выхода Британии из ЕС. (3.) *The Prime Minister named him (Putin) as a Brexit supporter in the same sentence he mentioned al-Baghdadi and Lieutenant General Sir Richard Shirreff who has written a book saying the West is going to be at war with Russia within a year also holds that Putin really would like the UK to leave* (K. Sengputa. *EU referendum: Will Brexit make the UK more or less safe?*) [9]. На синтаксическом уровне в качестве элементов сравнения в данном примере выступает сравнительный союз *as*.

Говоря о лексических средствах выражения, в следующем примере мы обнаружили образные сравнения, выраженные лексическими языковыми средствами, прежде всего, лексемами, основное значение которых в современном языке связано с выражением сравнения, уподобления: *be compared with, reference point might be, references to*.

При сравнении качеств в роли темы выступает абстрактное понятие, которое сопоставляется с эталоном – качеством определенной личности. К примеру, им является медийный образ современной женщины-политика, семьдесят шестого премьер-министра Соединённого королевства, второй в истории женщины (после Маргарет Тэтчер) на посту главы правительства Великобритании – Терезы Мэй. Это одна из видных политических фигур на мировой арене и одна из влиятельных женщин-политиков в Европе. Автор статьи сравнил *Терезу Мэй* с *Маргарет Тэтчер* (Ms. May will inevitably be compared with Margaret Thatcher) и с *Ангелой Меркель*. Признаком сравнения стали неотъемлемые черты личности и качества А. Меркель, на которые неоднократно указывают авторы публикаций в англоязычных средствах массовой информации, а именно: приземленность и практичность – что, очевидно, связано с особенностями национального менталитета немцев [5, с. 148]. (4.) *Theresa May and the Cutthroat Conservatives. Ms. May will inevitably be compared with Margaret Thatcher, the Conservatives' last female leader. But a better reference point might be Germany's Angela Merkel: hard-working, pragmatic, sober to the point of dullness. The endless references to Ms. May's shoes – she has a taste for leopard print and kitten heels – are only partly attributable to sexism. They also reflect that she has few other personal quirks* (H. Lewis. *Theresa May and the Cutthroat Conservatives*) [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тема сравнения выступает в качестве объекта оценки. Как показывает наш анализ, в сравнительных конструкциях с антропонимами оценке подвергаются конкретные личности, их деятельность, качества и предметы. Прецедентные антропонимы, будучи эталоном сравнения, выполняют функцию оценочного стереотипа. Оценочность имен собственных является важной составляющей их тропеического потенциала в публицистическом тексте. Следует различать формальные сравнения и сравнения, являющиеся выразительным средством. По своей стилистической функции сравнение тяготеет к выразительности, характерной для публицистического текста. Наличие в публицистическом тексте сравнений, несущих стилистическую нагрузку, смягчает его оценочность. Преобладающим способом выражения образных сравнений, в состав которых входят антропонимы, в англоязычном масс-медиа дискурсе является синтаксический.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
2. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – 2-е изд., стереотип. / Т.Г. Добросклонская – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
3. Левина, Е.А. Сравнения в немецких радиотекстах (семантика, структура, функции): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Левина Елена Александровна. – Саранск, 2006. – 20 с.
4. Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С.И. Сметанина. – СПб. Изд-во В.А. Михайлова, 2002. – 382 с.
5. Шалифова, О.Н. Образ женщины-политика в англоязычных средствах массовой информации / О.Н. Шалифова, Е.А. Пивкина // Поволжский педагогический вестник. – 2015. – № 2 (7). – С. 148–155.
6. Johannesen, E. Meeting Anders Behring Breivik 'like meeting Hannibal Lecter' [Электронный ресурс] / E. Johannesen // The Telegraph: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/norway/9325013/Meeting-Anders-Behring-Breivik-like-meeting-Hannibal-Lecter.html> (дата обращения: 23.08.2015).
7. Lewis, H. Theresa May and the Cutthroat Conservatives [Электронный ресурс] / H. Lewis // The New York Times: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2016/07/13/opinion/theresa-may-and-the-cutthroat-conservatives.html> (дата обращения: 13.07.2016).
8. Rogers, K. Reluctant First Lady? Melania Trump Wouldn't Be the First to Claim That Title [Электронный ресурс] / K. Rogers // The New York Times: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2017/18/02/review-reluctant-first-lady-melania-trump-wouldnt-be-the-first-to-claim-that-title> (дата обращения: 20.02.2017).
9. Sengputa, K. EU referendum: Will Brexit make the UK more or less safe? [Электронный ресурс] / K. Sengputa // The Independent: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-uk-security-will-we-be-more-or-less-safe-a7058551.html> (дата обращения: 20.05.2016).

Материал поступил в редакцию 27.02.18.

THE ANTHROPONYMS AS A PART OF FIGURATIVE COMPARISON IN ENGLISH-SPEAKING PUBLICISTIC TEXTS OF PERIODICALS OF GREAT BRITAIN AND THE USA

V.M. Volova, English Lecturer
Department of Foreign and Latin Languages,
Samara State Medical University, Russia

Abstract. *The aim of the article is to study the linguistic potential of anthroponyms as a part of the figurative comparison in publicistic texts of periodicals in Great Britain and the United States. The article gives the definition of publicistic text, figurative comparison. The article discusses the stylistic features of the use of anthroponyms in the composition of figurative comparison. The article provides examples of the use of anthroponyms found in the publicistic texts of the English-language media. The article for the first time considers anthroponyms as a part of figurative comparisons, performing the function of evaluation stereotype.*

Keywords: *publicistic text, anthroponyms, comparison topic, comparison standard, syntactic means of comparison, lexical means of comparison, evaluation stereotype.*

UDC 80

THE ROLE OF PSYCHOLINGUISTICS IN LEARNING FOREIGN LANGUAGE

A.M. Rzayeva, Teacher of English
Lankaran State University, Azerbaijan

Abstract. *The basic aim of the psycholinguistic approach has always been disregarded in the field of foreign language teaching and learning, it is a matter of fact, this field of study is the first initiator of the area of foreign language teaching and learning. In this article, as a field of interdisciplinary study, various relations of the psycholinguistic approach to mother tongue teaching and foreign language teaching are investigated by giving solid sources. As a result of this investigation it has been discovered that the psycholinguistic approach, in fact, as an interdisciplinary study, has a problem solving relation in ELT, and that it has a blocking function of the negative transfers of the interferences from the mother tongue to the target language in terms of teaching reading-writing- listening-speaking skills.*

Keywords: *psycholinguistics, psycholinguistic approach, behaviorism, neurolinguistics, mother tongue interferences, and English Language Teaching (ELT).*

Psycholinguistics or psychology of language is the science that researches psychological and neurobiological factors that enable humans to acquire, use, comprehend and produce language. The discipline is mainly concerned with the mechanisms in which languages are processed and represented in the brain. [1] Psycholinguistic approach takes its name from the field of psycholinguistics, which is an integration of the two fields of psychology and linguistics. Basically, psycholinguistics is the study of relation between language and mind. In general, it is defined as the study of the mental processes that a person uses in producing, understanding and storing language and how humans learn their mother tongue and foreign languages. The interdisciplinary field of psycholinguistics emerged twice: once in 1900s in Europe and once in the middle of the XX the century in the USA. In early decades of the XX the century, linguists turned to psychologists for insights into how human beings use language. In the later period, psycholinguists turned to linguists for insights into the nature of language. Between these two periods, behavioristic views dominated the area.

Speech is one of the distinctive features of human beings that differs them from the other species. Therefore, its properties and functions in the life of men is an indispensable part of psychological enquiry. Scientific psychology emerged with the development of the first psychological laboratory at the University of Leipzig in Germany in 1879. Since he wrote extensively about many different aspects of language, he is regarded as the master psycholinguistics. By the 1920s, Behaviorism advanced in America and took over the mainstream of *experimental* psychology. Behaviorists like J.B. Watson, L. Bloomfield, and B.F. Skinner were able to apply to human speech the same principles that they applied to the description of other human and nonhuman kinds of behavior. The manner in which parents shape their children's utterances was described.

Psycholinguistics is a hybrid type of science. First opinions about psycholinguistics were largely philosophical or educational schools of thought, according to their location in departments other than applied sciences (e.g. cohesive data on how the human brain functioned). Modern research makes use of biology, neuroscience, cognitive science, linguistics, and information science to study how the brain processes language and less so the known processes of social sciences, human development, communication theories and infant development, among others.

Psycholinguistics has roots in education and philosophy, and covers the "cognitive processes" that make it possible to generate a grammatical and meaningful sentence out of vocabulary and grammatical structures, as well as the processes that make it possible to understand utterances, words, text, etc. Developmental psycholinguistics studies children's ability to learn language.

The term psycholinguistics was coined in 1936 by Jacob Robert Kantor in his book *An Objective Psychology of Grammar* and started being used among his team at Indiana University, but its use finally became frequent thanks to the 1946 article "Language and psycholinguistics: a review," by his student Nicholas Henry Pronko. [2] It was used for the first time to talk about an interdisciplinary science "that could be coherent" [3] as well as in the title of *Psycholinguistics: A Survey of Theory and Research Problems*, a 1954 book by Charles E. Osgood and Thomas A. Sebeok. [4]

Psycholinguistics is an interdisciplinary field. Hence, it is studied by researchers from a variety of different backgrounds, such as psychology, cognitive science, linguistics, and speech and language pathology. Psycholinguists study many different topics, but these topics can generally be divided into answering the following questions: how do children acquire language (language acquisition), how do people process and comprehend language (language comprehension), how do people produce language (language production) and how do people acquire a new language (second language acquisition).

There are mainly two theories about how children acquire or learn language, and there is still much debate as to which theory is the correct one. The first theory states that all language must be learned by the child. The second view states that the abstract system of language cannot be learned, but that humans possess an innate language faculty, or an access to what has been called universal grammar.

The other perspective began with Noam Chomsky's highly critical review of Skinner's book in 1959. [6] This review helped to start what has been termed "the cognitive revolution" in psychology. Chomsky posited humans possess a special, innate ability for language and that complex syntactic features, such as recursion, are "hard-wired" in the brain. These abilities are thought to be beyond the grasp of the most intelligent and social non-humans. According to Chomsky, children acquiring a language have a vast search space to explore among all possible human grammars, yet at the time, there was no evidence that children receive sufficient input to learn all the rules of their language.

The field of linguistics and psycholinguistics since then has been defined by reactions to Chomsky, pro and con. The pro view still holds that the human ability to use language (specifically the ability to use recursion) is qualitatively different from any sort of animal ability. [7] This ability may have resulted from a favorable mutation or from an adaptation of skills evolved for other purposes. With the amount of computer power increasing since the 1980s, researchers have been able to simulate language acquisition using neural network models. [8] These models provide evidence that there may, in fact, be sufficient information contained in the input to learn language, even syntax. If this is true, then an innate mechanism is no longer necessary to explain language acquisition.

What is language comprehension? The one question in the sphere of language comprehension is how people understand sentences as they read (also known as sentence processing). Experimental research has investigated a number of theories about the architecture and mechanisms of sentence comprehension. Typically, these theories are concerned with what types of information contained in the sentence the reader can use to build meaning, and at what point in reading does that information become available to the reader. Issues such as "modular" versus "interactive" processing have been theoretical divided in the field.

A modular view of sentence processing assumes that the stages involved in reading a sentence function independently in separate modules. These modules have limited interaction with one another. For example, one influential theory of sentence processing, the garden-path theory states that syntactic analysis takes place first. Under this theory as the reader is reading a sentence, he or she creates the simplest structure possible in order to minimize effort and cognitive load. [5] This is done without any input from semantic analysis or context-dependent information. Hence, in the sentence "The evidence examined by the lawyer turned out to be unreliable," by the time the reader gets to the word "examined" he or she has committed to a reading of the sentence in which the evidence is examining something because it is the simplest analysis. This commitment is made despite the fact that it results in an implausible situation; we know from experience that evidence can rarely examine something. Under this "syntax first" theory, semantic information is processed at a later stage. It is only later that the reader will recognize that he or she needs to revise the initial parse into one in which "the evidence" is being examined. In this example, readers typically recognize their misanalysis by the time they reach "by the lawyer" and must go back and re-analyze the sentence. [2] This reanalysis is valuable and contributes to slower reading times.

In contrast to a modular account, an interactive theory of sentence processing, such as a constraint-based lexical approach [1] assumes that all available information contained within a sentence can be processed at any time. Under an interactive account, for example, the semantics of a sentence (such as plausibility) can come into play early in order to help determine the structure of a sentence. Hence, in the sentence above, the reader would be able to make use of plausibility information in order to assume that "the evidence" is being examined instead of doing the examining. There are data to support both modular and interactive accounts; which account is the correct one is still up for debate.

Language production concerns how people produce language, either in written or spoken form, in a way that conveys meanings comprehensible to others. One of the most effective ways to explain the way people represent meanings using rule-governed languages is by observing and analyzing instances of speech errors. They include speech dysfluencies like false starts, repetition, reformulation and constant pauses between words or sentences; also, slipping of tongue, like blending, substitutions, exchanges (e.g. Spoonerism), and various pronunciation errors. These speech errors yield significant implication on language production, in that they reflect that [7]:

Speech is planned in advance: speech errors like substitution and exchanges show that one does not plan his/her entire sentence before s/he speaks. Rather, their language faculty is constantly tapped during the speech production process. This is accounted for by the limitation of the working memory. In particular, errors involving exchanges imply that one plans ahead in their sentence but only about significant ideas (e.g. the words that constitute the core meaning) and only to a certain extent of the sentence.

Lexicon is organized semantically and phonologically: substitution and pronunciation errors show that lexicon is organized by not only its meaning, but also its form.

Many of the experiments conducted in psycholinguistics, especially earlier on, are behavioral in nature. In these types of studies, subjects are presented with linguistic stimuli and asked to perform an action. For example, they may be asked to make a judgment about a word (lexical decision), reproduce the stimulus, or name a visually presented word aloud. Reaction times to respond to the stimuli (usually on the order of milliseconds) and proportion of correct responses are the most often employed measures of performance in behavioral tasks. Such experiments often take advantage of priming effects, whereby a "priming" word or phrase appearing in the experiment can speed up the lexical decision for a related "target" word later. [3]

Recently, eye tracking has been used to study online language processing. Beginning with Rayner (1978) [5] the importance and informativity of eye-movements during reading was established. Later, Tanenhaus (7) used the visual-world paradigm to study the cognitive processes related to spoken language. Assuming that eye movements

are closely linked to the current focus of attention, language processing can be studied by monitoring eye movements while a subject is presented auditorily with linguistic input.

The analysis of systematic errors in speech, writing and typing of language as it is produced can provide evidence of the process, which has generated it. Errors of speech, in particular, grant insight into how the mind processes language production while a speaker is in the midst of an utterance. Speech errors tend to occur in the lexical, morpheme, and phoneme encoding steps of language production, as seen by the ways errors can manifest. The types of speech errors, and some examples, are:

Psycholinguistics is concerned with the nature of the computations and processes that the brain undergoes to comprehend and produce language. For example, the cohort model seeks to describe how words are retrieved from the mental lexicon when an individual hears or sees linguistic input. [5, 6]

Recent research using new non-invasive imaging techniques seeks to shed light on just where certain language processes occur in the brain.

There are a number of unanswered questions in psycholinguistics, such as whether the human ability to use syntax is based on innate mental structures or emerges from interaction with other humans, and whether some animals can be taught the syntax of human language.

Two other major subfields of psycholinguistics investigate first language acquisition, the process by which infants acquire language, and second language acquisition. In addition, it is much more difficult for adults to acquire second languages than it is for infants to learn their first language (bilingual infants are able to learn both of their native languages easily). Thus, sensitive periods may exist during which language can be learned readily. [4] A great deal of research in psycholinguistics focuses on how this ability develops and diminishes over time. It also seems to be the case that the more languages one knows, the easier it is to learn more. [7] As we mentioned psychology has great effect on learning a new language. Therefore, there are different ways of to memorize learned words for a long period of time. The most popular way of memorize or save new words, learners need to associate foreign word with his native word. Another way of learning new language is to visualize the being. By the help of imagination, you can store word stock in your long-term memory. There is an effective method of language grammar. As everybody knows languages, lexicons have their universals. For example, every language has its own words that denote action, property, notion and so on. We can divide these words according to different word groups that are called parts of speech. In order to learn parts of speech easily we can associate the words with colors or shapes. It is not only effective in learning but also in teaching foreign languages, especially for kids. Therefore, psycholinguistics has many opportunities in the field of foreign language learning process. In addition, it depends on our mental power or imagination. We can enlarge the methods and ways according to learners' mental ability and interest.

REFERENCES

1. Bhat, N.R. (1991). Psycholinguistics: Art Introduction. Karnal Natraj Pub. House
2. Brown, D.H. (1994). Principles of Language Learning and Teaching. Pearson Education Limited.
3. Chomsky, N; Skinner, B. F. (1959). "A Review of B. F. Skinner's Verbal Behavior".Language. Linguistic Society of America.
4. Carroll, W. (1994). Psycholog of Language. California: Brooks-Cole Publishing Company.
5. Demirezen, M. (1981). On the Psychoinguiistic Concept of Foreign Language Vocabulary and Its Diffitculfy. H.Ü. Beşeri Bilimler Dergisi.
6. Frazier L.; Rayner, K. (1982). "Making and correcting errors during sentence comprehension: Eye movements in the analysis of structurally ambiguous sentences".Cognitive Psychology.
7. Hauser M.D.; Chomsky N.; Fitch W. (2002). "The faculty of language: what is it, who has it, and how did it evolve?» Science.
8. Houston, D.M.; Jusczyk, P.W. (2000). "The Role of Talker-Specific Information in Word Segmentation by Infants" Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance.

Материал поступил в редакцию 24.01.18.

РОЛЬ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

А.М. Рзаева, преподаватель английского языка
Ленкоранский государственный университет, Азербайджан

***Аннотация.** Основная цель психолингвистического подхода всегда игнорировалась в области лингводидактики, однако именно это направление является первостепенным в сфере преподавания и изучения иностранных языков. В данной статье исследуются различные отношения психолингвистического подхода к обучению родному языку и преподаванию иностранного языка как области междисциплинарного исследования. В результате этого исследования было обнаружено, что психолингвистический подход как междисциплинарное исследование имеет отношение к решению проблем в сфере преподавания английского языка, а также имеет блокирующую функцию отрицательных проявлений интерференции родного языка на целевой язык с точки зрения обучения навыкам чтения-письма-аудирования-говорения.*

***Ключевые слова:** психолингвистика, психолингвистический подход, бихевиоризм, нейролингвистика, помехи на родном языке, обучение английскому языку.*

УДК 81

ЯЗЫКОВЫЕ РЕАЛИИ ПСКОВСКОЙ ШКОЛЫ АРХИТЕКТУРЫ В ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В.Я. Волкова¹, И.И. Храпченкова²

¹ старший преподаватель, ² кандидат филологических наук, доцент
Псковский государственный университет, Россия

***Аннотация.** Псковская школа архитектуры имеет ряд отличительных особенностей в рамках общерусской православной архитектуры. Целью работы является возможность первичного освоения архитектурных реалий немецким социумом. Скомпонован глоссарий транслатов с русского языка на немецкий, содержащий ряд вариантов перевода реалий.*

***Ключевые слова:** реалия, четверик, притвор, придел, звонница, плитняк, бегунец и поребрик.*

На протяжении веков Псков занимал и занимает сегодня приграничное положение, оставаясь форпостом России на северо-западе страны. Город выдержал много осад, военных конфликтов с соседями, но, несмотря на это, активно поддерживал торговые и культурные отношения с партнерами. Географическое положение позволяло псковичам поддерживать региональную и транзитную торговлю, устанавливая тесные отношения с городами-членами Ганзейского союза.

В год празднования 700-летия образования Ганзы Голландия выступила с инициативой создания организации «Ганза Нового времени» (часто называемой «Новой Ганзой»), для того, чтобы поддерживать развитие торговли и туризма между странами-партнерами.

В настоящее время Новая Ганза объединяет 183 города из 16 европейских стран. Новая Ганза призвана воссоздать дух средневековой атмосферы, вспомнить традиции и культурные особенности народов и, что особенно значимо, позволяет осознать собственную историю и культуру.

В июне 2013 года в Герфорде (Германия) было принято решение о проведении 39-х Международных Ганзейских дней в 2019 году в Пскове. По прогнозам город ожидает более 500 тысяч гостей из разных стран. Таким образом, город становится центром соприкосновения национальных культур, исторического наследия народов, что находит отражение в каждом национальном языке.

Культурно-историческое наследие Пскова представляет бесспорный интерес не только для гостей города, но и для его жителей. Историко-архитектурные достопримечательности, с одной стороны, возвращают нас в прошлое, а с другой – приносят в настоящее понятия, явления, предметы, которые были характерны для истории, культуры народа, проживавшего в данном регионе. Слова, их называющие, имеют определенную национальную, историческую, местную (локальную) окраску и не всегда однозначно воспринимаются носителями родного языка и, тем более, не имеют соответствий в других национальных языках.

Знакомство и с историко-культурным наследием Пскова тесно связано с зодчеством древнего города. Ю.П. Спегальский подчеркивает, что памятники архитектуры уподобляются каменной летописи и во второй половине 14 века уже определились основные черты псковской школы архитектуры [3, С. 36]. Особое место в каменном зодчестве Пскова занимает церковная архитектура, которая достаточно ярко представлена церквями 16 века, сохранившимися в городе.

Современный Псков насчитывает несколько десятков средневековых церквей, объединенных следующими архитектурными признаками при общей крестово-купольной структуре православной церкви:

- строительный материал – местный известняк, залегающий пластами и называемый обобщенно «плитняк»;
- небольшой объем типично псковских церквей, связанных с демократическим устройством города – например, кончанская церковь, т.е. главная церковь одного района города («конец» – часть города) [3, С. 24];
- город расширился, и к основному объему церкви пристраивались приделы;
- вход оформлялся без архитектурных излишеств в отличие от западноевропейских порталов католических церквей, но при этом сохранялась однотипная структура притвора;
- колокольни возводились отдельно от церкви или примыкали к ней, но более характерным элементом была звонница;

– церковь могла быть многокупольной, что являлось одним из ведущих декоративных элементов православного зодчества, а в Пскове сложилась, в основном, однокупольная система, но купола выполнялись по-разному:

- луковичные,
- маковичные,
- шлемообразные,
- шатровые;
- общерусская культура акцентирует подкупольную часть здания, давая ей свое название – «барабан»;
- самым ярким декоративным элементом псковских церквей были «бегунец» и «поробрик» на фоне

стен, лишенных практически каких-либо украшений. Это объяснялось тем, что известняк – местный строительный материал – крошился, резьба по нему невозможна, не держалась на нем и лепка. Однако при правильном уходе за каменной кладкой (обмазывание глиной и последующая побелка наружных стен) псковские церкви сохранились многие сотни лет.

Выделенные архитектурные признаки Псковской школы могут рассматриваться как реалии. В научной литературе понятие «реалия» трактуется и как слово и как предметы, понятия, явления, которые характерны для истории, культуры того или иного народа, той или иной страны и не имеют соответствий у других народов. Такие понятия и слова выделяются при сопоставлении языков и культур и рассматриваются как несоответствующие элементы.

Под реалиями в переводоведении понимают не только сами факты, явления и предметы, но и их названия. Понятия, отражающие реалии, носят национальный характер и относятся к категории безэквивалентной лексики, которую Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют, как слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, а также слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат [1, С. 136].

С.И. Влахов и С.П. Флорин считают, что реалии являются выразительными средствами языка, это слова и выражения, которые характеризуют быт, уклад жизни, историю и культуру определенного народа, и эти средства отсутствуют у других народов. При этом ученые заостряют внимание на том, что перевод реалий является актуальной проблемой, так как реалия является носителем национального колорита и отражением культуры [2, С. 78]. Реалии, по мнению авторов, относятся к безэквивалентной лексике, то есть к словам, у которых нет соответствий в языке перевода, так как они обозначают предметы или явления, свойственные только культуре исходного языка и не имеющие соответствий в культуре языка перевода. Как способы передачи реалии они выделяют транскрипцию и перевод.

А.В. Федоров пишет о том, что перевод реалий осуществим только при наличии определенных знаний о культуре языка оригинала: «Возможность правильно передать обозначения вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает определенные знания о той действительности, которая изображена в переводимом произведении» [4, С. 165]. Он называет четыре чаще всего встречающихся на практике способа перевода реалий: 1) транскрипцию и транслитерацию; 2) создание нового слова; 3) уподобляющий перевод – то есть употребление слова, обозначающего нечто близкое по функции к иноязычной реалии и 4) гипонимический или обобщенно-приблизительный перевод. При гипонимическом переводе слова языка оригинала, обозначающие видовые понятия, передаются словами языка перевода, называющими родовые понятия.

Необходимо отметить, что описанные способы перевода реалий обычно применяются не изолированно, а в сочетании друг с другом. Так, например, слово, переданное в переводе при помощи транскрипции или транслитерации, часто требует комментария, так как для читателей перевода оно может быть непонятным.

Таким образом, реалии, будучи наименованиями предметов, понятий, культурных, бытовых и исторических явлений определенного народа и страны, отражают тот или иной отрезок действительности, следовательно, тесно связаны с внеязыковой действительностью, что должно проявляться в тексте перевода.

В представленной работе предпринята попытка на основе краткой характеристики внешних признаков типично псковских церквей осуществить первичное знакомство с псковскими памятниками архитектуры. В работе приведены как уже апробированные варианты перевода отдельных реалий, представленных в публикациях, так и предложены возможные варианты. Составленные глоссарии помогут в дальнейшем наиболее полно познакомиться иностранных гостей с архитектурными памятниками города.

Псковские храмы имели в поперечном срезе форму греческого равностороннего креста, отсюда и кубическая форма основного объема псковских церквей в отличие от удлинённой формы базилики в архитектуре католических храмов. Таким образом сложилась крестово-купольная структура православных церквей (die Kreuz-Kuppel-Struktur der orthodoxen Kirchen).

Хорошо сохранившиеся средневековые церкви Пскова представляют собой многообъемное единство, в центре которого расположен основной объем – четверик, вокруг которого группируются приделы, притвор, апсиды, галереи, звонница. Этот объем – четверик – необходимо визуальнo вычленить, чтобы вся конструкция была понятна, ведь не все части церкви сохранились до наших дней.

Немецкий язык справедливо акцентирует кубическую форму четверика, давая трансляты

die würfelfartige Form der Kirche
die kubusförmige Vier-Pfeiler-Kirche,

которые дополнительно передают смысл термина «четверик».

Небольшие по высоте псковские храмы стали со временем малы для растущего населения города. К четверику церкви с севера и юга пристраиваются приделы (маленькие церкви), имеющие свою апсиду и купол и отличное от основной церкви название. В переводе на немецкий язык сложились следующие трансляты:

Pridel,
Nebenaltar,
Nebenkirche,
Anbau, die angebaute Kirche.

При более детальном изучении церквей намечается разница в функционировании данных понятий.

Nebenaltar находится внутри основного объема церкви. В больших православных храмах также возводились три алтаря внутри церкви.

Nebenkirche означает буквально «церковь, построенная рядом».

Der Anbau, die angebaute Kirche являются наиболее точным переводом – «пристроенная церковь». Nebenaltar и Nebenkirche могут использоваться в порядке расширения понятия.

Притвор церкви оформляет вход в нее. Структура притвора выглядит непритязательной, но включает в себя ряд архитектурных элементов, повторяющихся с некоторыми модуляциями в каждой средневековой церкви, не подвергшейся перестройке.

Из центрального входа можно было пройти в главный храм – четверик, кроме того налево – в северный придел и направо – в южный придел вели галереи. Галерея могла быть очень просторной, расширяя внутреннее пространство комплекса. Например, такая просторная галерея была в церкви Богоявления с Запсковья, одном из двух сохранившихся кончанских храмов. Кончанские храмы были вторыми по значимости и величине после Троицкого собора, который был главным храмом в Пскове. Троицкий собор, построенный в конце XVII века по московским чертежам, не принадлежит к местной архитектурной школе, а является памятником следующей эпохи – барокко, но выполнен из местного плитняка.

Звонница, как уже упоминалось, являлась предпочтительным архитектурным элементом в отличие от колокольни. Звонницы структурно проще, практичнее и менее затратны. Они могут быть поставлены на четверик, притвор или стоять отдельно. В этом случае сформирован особый транслят на немецком языке, не имеющий исходной единицы в русском, но подчеркивающий своеобразную форму звонницы – Glockenstuhl.

Купол в виде луковицы, как это подмечает немецкий язык – Zwiebelkuppel – самая нарядная и распространенная форма в православных церквях. Пропорции купола по отношению к основному объему очень внушительны.

Есть и модификации куполов

- шлемовидный купол;
- маковичный купол;
- шатровый купол (преимущественно на башнях).

Конкретная семантика оригинала выражена в немецких транслятах. Купола как архитектурный элемент есть и в других культурах, в немецкой культуре в том числе. Они устанавливаются на основной объем с помощью переходного элемента – барабана – Kuppeluntersatz. Но в православной культуре барабан ярко выделен в общей структуре церкви. Это может быть его необычная высота или большой диаметр, нарушающие в некотором смысле логические пропорции. Большая площадь барабана украшается или бегунцом и поребриком, или керамическим пояском. Есть и другие декоративные элементы, но они выполнены путем углубления тех же самых известняковых плиток. Такой декор не требует ремонта или подновления. В связи с тем, что барабан как архитектурная деталь в православной культуре имеет ярко выраженный характер и отличается от подобной детали в немецкой культуре, то вполне логично, чтобы слово «Baraban» было воспринято немецкой культурой из русского языка по способу транслитерации. Например, в бывшей ГДР термин «Baraban» был представлен в словарях и вошел в обращение в искусствоведческой литературе. Декоративная составляющая псковских церквей очень скромна. Это зависело от неудобного строительного камня. Все элементы декора – это заглубленные или выдвинутые грубо обработанные плитки, образующие лопатки, бровки, кокошники и другие элементы украшения, мало заметные на фасаде церкви. Лишь знаменитый декоративный пояс – бегунец и поребрик – являлся идентификатором Псковской школы архитектуры. Он очень прост. Это плитки, поставленные наискосок и образующие треугольные и четырехугольные впадины. Они хорошо видны на фасаде или барабане, не подвержены разрушению и применяются в таком виде только в псковской архитектуре. В Московском Кремле находится Благовещенский собор, построенный псковичами и несущий на себе псковский маркер – бегунец и поребрик.

Русские храмы часто имеют позакомарное покрытие. Это изогнутые крыши, образующие полукружья и несущие сильный декоративный посыл. Но эти нарядные крыши трудны в уходе в нашем дождливом и снежном климате. Псковичи сильно упрощают рисунок крыши, делают ее более практичной. Это скаты. Избы имели двухскатные крыши, иногда четырехскатные. Церкви имели восьми- и шестнадцатискатную крышу, привносящую необходимую декоративность и которая была более удобна в уходе, чем закомары. Наиболее часто строили восьмискатные крыши, но были и более сложные.

В итоге необходимо отметить, что формирование транслятов архитектурных реалий растянуто во времени.

Первый шаг – это попытка дать описательный перевод. В таком случае немецкий язык вырабатывает следующие варианты описательного перевода:

барабан – цилиндрическая часть башни; верхняя часть, которая держит купол (отдавая дань своеобразию данной архитектурной формы, немецкие переводчики не употребляют вполне эквивалентного понятия *der Kuppeluntersatz*);

бегунец и поребрик – полоска из треугольных и четырехугольных углублений; трехрядная полоса или лента, образованная из выемок;

захаб – вытянутый в длину, очень узкий проход;

звонница – самостоятельная архитектурная единица, имеющая вертикальные стены, в верхней части которых между круглыми опорами висят колокола.

Недостаток описательного перевода заключается в том, что впоследствии его нельзя использовать как термин. Он многословен и не мультиплицируется.

Следующий шаг освоения реалий – приведение многословного описания к уровню термина. Это может быть:

- заимствование (если это слово удобно в написании и произношении) – *der Baraban*;
- калька – восьмискатное покрытие – *achtteiliges Dach*;
- уподобляющий перевод – захаб – *Steinsack*;
- притвор – *die Treppenvorhalle*;
- использование языка-посредника – лопатки – *die Lisene*.

Данный лингвистический процесс освоения псковских реалий находится еще в начале освоения и адаптации одного языка к другому. Со временем само течение языкового потока будет отбрасывать неудобные трансляты и оставлять то, что удобно в процессе коммуникации, отражением и обслуживанием которой является язык как таковой.

Перевод русских реалий на немецкий язык

Архитектура

Представленные варианты транслятов по архитектуре являются реалиями, связанными с псковским средневековым зодчеством. Список сформирован на основе публикаций. Выделенный транслят является предпочтительным с точки зрения авторов.

крестово-купольная православной церкви	структура	<i>die Kreuz-Kuppel-Struktur der orthodoxen Kirche</i>
барабан		<i>Baraban, m</i> <i>ein zylinderförmiger Turmteil</i> <i>Kuppeluntersatz, m</i> <i>Trommel, f</i> <i>der obere Teil, der die Kuppel trägt</i>
бегунец и поребрик		<i>Begunez, m und Porebrik, m</i> <i>ein Streifen von 3-eckigen und 4-eckigen Vertiefungen;</i> <i>ein dreifaches Band, das von Aussparungen gebildet wurde</i>
восьмискатная крыша		<i>ein achtteiliges Dach</i> <i>Achtgiebeldach, n</i>
закомары		<i>Sakomary, pl</i> <i>geschwungene Blendarkaden</i> <i>Giebeldach, n</i>
захаб		<i>Sachab, m</i> <i>ein lang gezogener sehr enger Durchgang</i> <i>Kampfdurchgang, m</i> <i>Steinsack, m</i>

звонница	Svonniza, f Glockenturm, m Glockenwand , f Glockenmauer, f Glockenstuhl, m selbständiges Bauwerk mit mächtigen Wänden, in deren oberem Geschoß zwischen den Rundpfeilern die Glocken hängen, oder es war Teil der Kirche selbst; eine mächtige Steinmauer, die Glocken trägt; kleine Glockentürme in Form einer Mauer im oberen Teil mit Öffnungen verschiedener Größe, in denen die Glocken aufgehängt waren
клетки	Kellergeschoß, n
крыльцо «на отлёте»	ein ausgesprochen Pskover besonderer Ausgang, der auf breiten niedrigen Steinsäulen ruhte
лопатки	Lisene, f Lopatki, pl
Перши, Перси	die wichtigste Verteidigungsstelle mit dem Haupttor
плитняк	Fliesenstein, m Kalkstein, m Platten, pl Kalksteinplatte , f grob behaute Kalksteinplatten raue ungeschliffene Platten mit wellenförmiger Oberfläche
Покровская башня	Pokrover Turm
придел	Pridel, m Nebenkirche, f Nebenalter, m eine angebaute Kirche
притвор	Treppenvorhalle, f Portal, n Freitreppe, f Vortreppe, f
четверик	Tschetverik, m Kerngebäude , n eine würfelfartige Form der Kirche eine kubusförmige Vier-Pfeiler-Kirche
галерея	Galerie, f Wandelgang, m

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на то, что реалии относятся к безэквивалентной лексике, это не означает, что они не могут быть переданы при переводе. Существует несколько способов передачи реалий, и переводчик, сталкиваясь с иноязычной реалией, должен принять решение, какой из способов передачи он выберет. Перевод реалии зависит от характера текста, значимости реалии в контексте, а также от самих языков – их словообразовательных возможностей, литературной и языковой традиции. Поэтому перевод реалий требует от переводчика творческого подхода и глубоких лингвострановедческих знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
2. Влахов, С.И. Непереводимое в переводе. Монография. / С.И. Влахов, С.П. Флорин – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
3. Спегальский, Ю.П. Псков. / Ю.П. Спегальский – Ленинград-Москва: Искусство, 1963. – 304 с.
4. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. / А.В. Федоров – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО "Издательский Дом "ФИЛОЛОГИЯ ТРИ", 2002. – 416 с.

Материал поступил в редакцию 26.02.18.

**THE LANGUAGE CULTURE-SPECIFIC ELEMENTS
OF THE PSKOV SCHOOL OF ARCHITECTURE IN THE TRANSLATION INTO GERMAN**

V.Ya. Volkova¹, I.I. Hrapchenkova²

¹ Senior Lecturer, ² Candidate of Philology, Associate Professor
Pskov State University, Russia

***Abstract.** The Pskov school of architecture has a number of distinctive features within the framework of the All-Russian Orthodox architecture. The aim of the work is the possibility of primary understanding of architectural culture-specific elements by the German society. The glossary of translate from Russian into German containing a number of variants of culture-specific elements translation is developed.*

***Keywords:** culture-specific element, quadrangular frame, antechurch, side-alter, bell gable, flagstone, strip of triangular and quadrangular recesses.*

УДК 82-1

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЖАНРОВОГО АСПЕКТА СЕТЕВОЙ ПОЭЗИИ

Д.А. Дацко, кандидат филологических наук, преподаватель

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Калининград), Россия

Аннотация. В контексте статьи проводится анализ жанров сетевой литературы: *flarf poetry* (поэзии поисковых запросов), *spam poetry* (спам-поэзии), *found poetry* (поэзии готовых слогов), а также обсуждается вопрос о принадлежности данных направлений к «поэзии сетевого сора» или «дигитального мусора». Также в статье уделяется внимание основополагающим факторам, обуславливающим модификацию поэтического дискурса XXI века. Речь идет о развитии интернет-технологий, изменении как духовных ценностей, принятых в обществе, так и самого социума, переоценке роли лирического героя и его образа, трансформации функции реципиента.

Ключевые слова: спам-поэзия, поэзия готовых слогов, фларф, современный поэтический дискурс, плагиат.

Традиционный поэтический текст, как правило, содержит описание различных явлений природы, чувств, мировых событий, философские рассуждения и, согласно постулатам античной поэзии, направлен на «переживание катарсиса, очищение души» [1, С. 25]. Если обратиться к толковому словарю, то поэзия трактуется как «искусство изображать в слове прекрасное» [1, С. 435], и до недавнего времени поэты справлялись с этой задачей – запечатлевали, увековечивали, выражали, предвещали.

Изменение духовных ценностей, «кардинальная ломка культурно-эстетических стереотипов» [4, С. 66], развитие интернет-технологий, цифровизация общества, переосмысление традиционного образа лирического героя обусловили модификацию поэтического дискурса XXI века. В современной лирике преобладают абстрактные объекты, позволяющие читателю создавать образы на основе мысленного отвлечения от предложенного сюжета. По мнению Е.С. Мариной, сегодня авторы все чаще обращаются «к аномальному осмыслению мира», так как читатель изначально «заряжен» на восприятие противоположного, отсутствие которого создает впечатление «эстетически неубедительного» стихотворения [4, С. 66]. Новые формы поэтического дискурса отличаются симбиотичностью, в частности, отмечается взаимодействие поэзии с музыкой, социальными сетями, с живописью, кинематографом, отсюда вышли поэтический слэм (*poetry slam*), визуальная поэзия, анимационная поэзия, саунд-поэзия, переживает свой ренессанс и скрибентизм. Однако Щербинина Ю.В. полагает, что в отношении современного поэтического творчества уместно говорить не о синтезе, а об эклектике, так как основной принцип создания поэтических текстов – «механическая комбинаторика» [5, с. 234]. Нельзя не согласиться с этим утверждением, говоря, в частности, о произведениях, созданных, с привлечением компьютерных программ- т.н. сетевой (электронной) поэзии, которая конкурирует с общепринятыми жанрами лирической, философской, публицистической, сатирической поэзией. Необходимо также подчеркнуть, что тексты сетевой литературы становятся причиной эмоционального резонанса среди многих лингвистов, литературоведов, переводчиков. Исходя из концепции Р. Барта, существует два типа текста: текст-удовольствие, приносящий удовлетворение, вызывающий эйфорию от прочитанного, и текст-наслаждение, создающий чувство дискомфорта, отвращения [2, С. 463]. Экстраполируя данную теорию на сетевую литературу, на первый взгляд можно сделать вывод, что большинство текстов относится к группе «текст-наслаждение», так как ряд жанров: фларф, спам-поэзии, *found poetry* получили название «поэзия сетевого сора» или „Müllpoesie“, и у адресата, вполне вероятно, формируется мнение, что перед ним бессмысленные тексты, существующие без определенной цели. Однако цель у подобных поэтических экспериментов все же имеется и заключается, на наш взгляд, в том, чтобы сломать стереотипы, выступить откликом на всевозрастающее использование многочисленных гаджетов. Созданные при помощи поисковых систем фларфы, доровей американца Г. Салливана, белорусского поэта Ю. Ильющенко, голландцев Н. Гордон, Т. Ван Хофа, немки Ш. Мэмер и др. намеренно содержат орфографические девиации, конгломерацию ненормативных элементов языка, грамматическую несогласованность, чтобы подчеркнуть «коррозийную, симпатичную, надоедливую ужасность» этого жанра [5, С. 233].

Министерство бедных, заказавших слишком, // буржуа со своими подругами, // крестьяне, делающие по имуществу, //закрепились тостами по новой, // межотраслевой стороне Бартонна, // выстроившего как бы кинотеатр.

Пример фларфа на русском языке [3]

Erkältet? Ein Dampfbad befreit die Atemwege // Stummer Frühling unter Wasser // Montpellier – Sportlich feiern die Menschen den Frühling // Die kalte Jahreszeit ist vorbei Wassermusik // Die Kuhfluchtwasserfälle bei Farchant // Mit den Alllasten des Winters aufräumen// Mountain Mist

Пример фларфа на немецком языке [8]

Как видим, фларфы, действительно, вызывают некоторое отвращение и непонимание, однако перед нами более серьезное явление, чем можно представить, так как результаты поисковых систем демонстрируют потребности, интересы, взгляды той или иной нации.

Не менее востребован сегодня поэтический жанр поэзии готовых слогов (found poetry), построенный на ведущем принципе дадаизма – реди мейд. Суть данного направления заключается в обнаружении художественного фрагмента в текстах, не имеющих отношения к поэзии, инструкциях, юридических документах, заимствовании этих отрывков и их переработке. По сути перед нами не «живое», выстраданное стихотворение, а сконструированный из готовых деталей механизм. Является ли такое произведение плагиатом – вопрос, который возникает неоднократно при анализе подобных текстов. С одной стороны, использование строчек или фрагментов из другого источника без указания ссылки, безусловно, считается плагиатом. С другой, обыгрывание, перефразирование слов из различных текстов, делает прежний источник неузнаваемым.

В немецкоязычном интернет-пространстве такие произведения носят название «Zufallspoesie» (случайная поэзия), что подчеркивает вероятностный характер подобных текстов.

*Der Polizeipräsident
in Berlin sucht:
Schäferhundruden.
Alter ein bis vier Jahre,
mit und ohne*

*Ahnentafel
Voraussetzungen
Einwandfreies Wesen
Rücksichtslose Schärfe [6, S. 123]*

Стихотворение Э. Фрида – классический пример реди- мейд стихотворения. Изначально это объявление в газете, которое автор позаимствовал и записал в типичной стихотворной форме. Подобный прием свидетельствует о том, что любой функциональный текст может быть воспринят и представлен как поэтический.

Spam poetry (спам – поэзия) – ещё один жанр современной сетевой литературы, который относят к «поэзии сетевого сора». Очевидно, что он возник с того самого момента, как пользователи стали получать электронные рекламные письма сомнительного содержания. Сегодня нельзя с уверенностью сказать, кто первым решил создавать стихотворения из строчек нежелательной корреспонденции, однако подобное литературное течение вызывает повышенный интерес среди современных авторов. Это подтверждают антология «Спам» Б. Майерса, книга Эндвара «Язык программирования. Версия 2.1», к которой прилагается диск с записанными спам – текстами, «Мейлодрама Spam» Д. Коссдорфа и ряд других произведений.

В немецкоязычном Интернет пространстве спам-поэзию достаточно часто называют «дигитальным мусором» (digitaler Müll), так как произведения создаются преимущественно из сообщений о рекламе, коммерческих предложений, информации, которая не представляет ценности.

Самым известным немецким спам-поэтом на данный момент считается Т. Палзер. В своих работах он делает акцент на грамматических или лексических ошибках, содержащихся в сообщениях и изменяющих смысл текста. Как правило такие стихотворения были автоматически сгенерированы и переведены при помощи электронных переводчиков.

Sie werden staunen// welche Möglichkeiten Sie für wenig Geld bekommen// Ob//Steuerfreiheit, Erotikseiten, Waren oder// Scheidung// Alles// ist mit diesem Konto // möglich [7]

В англоязычном мире напротив к данным феноменам относятся серьезно: в частности, в Университете Буффало был создан Центр электронной поэзии, который каждый год организует мероприятия, посвященные результатам изучения спам-поэзии.

Подводя итог вышесказанному, необходимо признать, что жанры современной сетевой литературы носят амбивалентный характер, что объясняется в первую очередь радикальными трансформациями, происходящими в обществе, инновациями в сфере информационных технологий, модификации роли реципиента и др. С одной стороны, мы имеем дело с «поэзией сетевого сора», так как фларфы, поэзия поисковых запросов, found poetry строятся на уже готовых «конструкциях», по сути, не представляют собой творчество. С другой стороны, указанные поэтические направления – это дань моде, поклонение всевозможным электронным гаджетам. Не зря ведь существует т.н. pomadic poetry, тексты которой в зависимости от вида устройства – ноутбука, телефона или планшетного компьютера – предлагают мультивариантные возможности прочтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 977 с.
2. Барт, Р. Удовольствие от текста. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. / Р. Барт – М.: Искусство, 1994. – С. 462–518.
3. Куртов, М. Министерство бедных [Электронный ресурс]. / М. Куртов – Режим доступа: <http://litbook.ru/article/264/> (дата обращения: 02.02.2018)
4. Марина, Е.С. Парадоксальные поэтические образы в современном англоязычном поэтическом дискурсе: типы эмоционального резонанса. / Е.С. Марина. – Science and Education a New Dimension. Philology. – Будапешт: Society for Cultural and Scientific Progress, 2015. – С. 66–68.
5. Щербинина, Ю. Вначале было слово. Культурология. / Ю. Щербинина – М.: Искусство, 2014. – С. 232–235
6. Fried E. Tiermark. Ankauf. Handbuch Sprache in der Literatur. – München: German Edition, 2017. – 591 S.

7. Palzer T. Sie werden staunen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/wie-aus-digitalem-müll-poesie> (дата обращения: 16.02.2018)

8. Reis A. Erkältet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cardamonchai.com/2016/03/flarf-inspiration-aus-dem-internet-die-poesie-der-vernetzung/> (дата обращения: 07.02.2018)

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Оникс, 2008. – 928 с.

Материал поступил в редакцию 10.03.18.

THE GENRE ASPECT ACTUALIZATION OF NETWORK POETRY

D.A. Datsko, Candidate of Philological Sciences, Lecturer
Western branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Kaliningrad), Russia

***Abstract.** This article analyses genres of network literature: flarf poetry (poetry of search engines), spam poetry, found poetry (poetry of ready syllables), and discuss the relevance of these directions to the "poetry of network litter" or "digital garbage". The article also pays attention to the fundamental factor that determines the modification of the poetic discourse of the XXI century. We are talking about the development of Internet technologies, changes in both spiritual values accepted in society and society itself, re-evaluation of the role of lyrical hero and his image, the transformation of the recipient's function.*

***Keywords:** spam poetry, poetry of ready syllables, flarf, modern poetic discourse, plagiarism.*

УДК 811.111

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМАЛЬНОЙ АССИМИЛЯЦИИ
АРАБИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КУЛИНАРОНИМОВ В РОМАНЕ
Х. ХОССЕЙНИ «БЕГУЩИЙ ЗА ВЕТРОМ»)**

О.А. Казанцева, студент Института иностранных языков
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Россия

***Аннотация.** В настоящей публикации делается попытка охарактеризовать неравномерный характер формальной ассимиляции арабизмов-кулинаронимов в современном английском языке. Графико-орфографические, орфоэпо-акцентуационные и грамматические характеристики заимствований из арабского языка описываются на примере их функционирования в дебютном романе «Бегущий за ветром» (2003) американского писателя афганского происхождения Х. Хоссейни.*

***Ключевые слова:** арабизм, кулинароним-экзотизм, заимствование, ассимиляция, мультикультурный роман.*

В настоящей публикации делается попытка выявить степень формальной ассимиляции наиболее часто употребляемых слов арабского происхождения в современном английском языке по теме «Еда и напитки» на основе романа Х. Хоссейни «Бегущий за ветром» (2003). Объектом исследования являются 26 кулинаронимов-арабизмов, заимствованных в английский язык в период с XIII века по XX век. Лексические единицы, заимствованные в английский язык непосредственно из арабского языка или восходящие к этимону в арабском языке-источнике, традиционно относятся к экзотизмам, то есть к заимствованным словам, которые обозначают реалию языка-донора или языка-источника, отсутствующую в культуре языка-реципиента [3, С. 202]. В тематическом плане экзотическая лексика обычно включает «названия блюд, предметов одежды, видов транспорта, жилищ, бытовых приборов, сырья/материалов, психотропных средств, наименований людей по профессии, а также некоторые абстрактные понятия» [2, С. 401]. Таким образом, арабизмы-кулинаронимы можно считать пластом экзотической лексики, которая незаменима в художественном произведении для создания образа инонациональной речевой среды.

Актуальность настоящего исследования доказывает всё возрастающая популярность романов писателей-мультикультураллистов, пишущих на английском языке. Так, романы эмигрантов из стран Большого Ближнего Востока – американских писателей афганского происхождения Халеда Хоссейни и Нади Хашими, американского писателя ливийского происхождения Матара Хишама, американской писательницы иранского происхождения Лалех Кхадиви – всё чаще получают признание как жюри престижных премий в области литературы, так и рядовых англоязычных читателей [7].

Научная новизна исследования объясняется незначительным числом научных работ по проблемам ассимиляции арабских заимствований в английском языке. К ним можно отнести: диссертационные исследования отечественных учёных А.П. Эль-Гаяр (1989), А.С.В. Шабхаза (2005), Э.С. Адзиевой (2016) и зарубежные монографии (J. Owens “A Linguistic History of Arabic” (2006); G. Cannon, A. Pfeffer “The Arabic Contributions to the English Language: An Historical Dictionary” (2014)) [6, 9]. Следует также подчеркнуть, что языковые особенности трёх романов Халеда Хоссейни («Бегущий за ветром» (2003), «Тысяча сияющих солнц» (2007), «И эхо летит по горам» (2013)) чаще становятся объектами научного исследования, чем романы других писателей афганского происхождения: так, в публикациях А.С. Герасимовой (2011), М.А. Неровной (2017), О.А. Павловой (2015), О.А. Поляковой (2014), Ю.М. Шемчук и М.А. Максимовой (2016) рассматриваются проблемы перевода романов Х. Хоссейни с английского языка на русский язык, особенности употребления имён собственных в романах, репрезентация образа России в романах и т.д. Благодаря балансу прецедентных текстов (в частности, цитат из персидского эпоса «Шахнаме» («Книги царей»)), описывающего историю Ирана от древних времён до исламизации в VII веке) и прямых заимствований из неевропейских языков (в основном, из пушту и арабского языка) романы Х. Хоссейни «целиком пронизаны национальным духом, насыщены национальными реалиями, их персонажи отмечены чертами афганского национального характера» [1, С. 72].

На первом этапе проведённого исследования из словаря Гарланда Кэннона и Алана Пфедфера были отобраны частотные арабизмы-кулинаронимы (26 единиц) с соответствующими лингвистическими пометами, отражающими их орфографические, фонетические и грамматические особенности. К ним отнесём: «alcohol», «apricot», «artichoke», «aubergine», «candy», «caraway», «coffee», «couscous», «fattoush», «halva», «hummus», «julep», «kabsa», «kebab», «lemon», «lime», «orange», «shanklish», «shawarma», «sherbet», «spinach», «sugar», «tahini», «tamarind», «tangerine», «tuna» [9]. На втором этапе исследования было проанализировано употребление отобранных арабизмов в романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром»: 8 заимствований употребляются 47 раз,

при этом максимальное число употреблений самой частотной единицы достигает 11 раз [5]. К ним отнесём: «alcohol» (1540, al-kuhul – a colourless volatile flammable liquid which is the constituent of wine, beer, spirits, and other drinks), «apricot» (1550, al-birquq – a juicy, soft fruit of an orange-yellow colour resembling a small peach), «candy» (1280, qandi – sweets; confectionery), «coffee» (1600, qahwah – a hot drink made from the roasted and ground seeds (coffee beans) of a tropical shrub), «lemon» (1400, laimun – a yellow, oval citrus fruit with thick skin and fragrant, acidic juice), «orange» (1300, naranj – a round juicy citrus fruit with a tough bright reddish-yellow rind), «spinach» (1400, isbinākh – a plant with large, dark green leaves that is cooked as a vegetable), «sugar» (1270, sukkar – a sweet crystalline substance obtained from various plants, and used as a sweetener in food and drink) [4, С. 383–385; 8].

Максимальное приближение графических, фонетических и грамматических характеристик заимствованных единиц к соответствующим нормам языка-реципиента трактуется как их формальная ассимиляция, или адаптация.

Графико-орфографическая адаптация включает и передачу графического образа заимствования с помощью графических средств языка-реципиента, и подчинение написания заимствования орфографическим нормам принимающего языка. В случае заимствования из арабского языка (который использует аабицу) в английский язык (который использует латиницу) имеет место графическое переоформление путём трансфонации, транслитерации или смешанным путём (одновременно путём трансфонации и транслитерации).

По степени графико-орфографической ассимиляции все исследуемые арабизмы можно разделить на две группы: во-первых, сохраняющие не типичные для языка-реципиента элементы орфографии (например, «coffee, couscous, halwa/halvah, julep, tahini»); во-вторых, полностью соответствующие нормам орфографии английского языка (например, «artichoke, candy, tangerine»). Примерно для 30 % отобранных арабизмов характерна вариативность написания – «fattoush/fatoush», «hummus/housmous», «shanklish/shinklish/shankleesh», что может быть объяснено относительно низкой частотностью употребления данных слов разными писателями-билингвами.

При фонетической ассимиляции из языка-донора перенимаются и звуковой образ заимствования (путём субституции составляющих его звуков), и акцентуационная модель (характер и место ударения). В подавляющем числе случаев нетипичные для английского языка звуки заменяются на типичные для этого принимающего языка звуки, наиболее частотной является случай опущения конечного звука [h]: «qahwah» – «coffee», «halvah» – «halwa», «isbinākh» – «spinach». Также для арабизмов характерен перенос ударения на первый слог при заимствовании в случаях, когда в этимонах ударение падало на любой другой слог.

При грамматической ассимиляции заимствованные лексические единицы соотносятся с существующими в языке-реципиенте лексико-грамматическими классами слов и включаются в соответствующие системы грамматических категорий. Все анализируемые арабизмы относятся к классу существительных, при этом они все утратили грамматический род, но освоились с точки зрения грамматической категории числа; кроме того, среди кулинаронимов достаточно часто встречаются неисчисляемые имена существительные. Так, в первом из нижеприведённых примеров имя существительное употреблено в форме множественного числа, а в втором примере – в форме единственного числа:

«You might even have heard the call of the fruit seller: Cherries! **Apricots!** Grapes!» [5, С. 82];

«Soraya made sabzi challow – white rice with **spinach** and lamb» [5, С. 54].

Таким образом, к особенностям формальной ассимиляции арабизмов в современном английском языке следует отнести следующее: во-первых, при относительно низкой частотности арабизмы характеризуются достаточно высоким уровнем формальной ассимиляции; во-вторых, абсолютно все арабизмы грамматически адаптируются в принимающей языковой среде, однако они могут сохранять несколько вариантов написания и произнесения. Последнее наблюдение свидетельствует о неравномерном характере формальной ассимиляции исследуемых единиц и о том, что грамматическая адаптация играет более важное значение для регулярного употребления того или иного экзотизма в языке-реципиенте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимова, А.С. Прорыв афганских писателей в мировую литературу. / А.С. Герасимова // Азия и Африка сегодня. – Москва. – 2011. – № 9. – С. 68–72.
2. Кузина, М.А. Экзотизм v. ассимилированное заимствованное слово: «чужое» v. «своё». / М.А. Кузина // Преподаватель XXI век. – Москва. – 2017. – № 4-2. – С. 398–404.
3. Маринова, Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник / Е.В. Маринова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 240 с.
4. Durkin, Ph. Borrowed Words: A History of Loanwords in English / Ph. Durkin. – Oxford University Press, 2014.
5. Hosseini, K. The Kite Runner / K. Hosseini. – Riverhead Books, 2003.
6. Owens J. A linguistic history of Arabic / J. Owens. – Oxford University Press, 2006.
7. Official Site of Haled Hosseini [Электронный ресурс]. – URL: <http://khaledhosseini.com/> (дата обращения: 20.02.2018)
8. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 20.02.2018)
9. Pfeffer J.A., Cannon G. The Arabic Contributions to the English Language: An Historical Dictionary / J.A. Pfeffer, G. Cannon. – Harrasowitz Verlag, 1994.

Материал поступил в редакцию 27.02.18.

**THE FEATURES OF FORMAL ASSIMILATION OF ARABISMS
IN MODERN ENGLISH (ON MATERIAL OF CULINARY TERMS
IN THE NOVEL *THE KITE RUNNER* BY H. HOSSEINI)**

O.A. Kazantseva, Student of the Institute of Foreign Languages
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Moscow State Pedagogical University, Russia

***Abstract.** The present paper attempts at exposing the variability in the degree of graphical, phonetical and grammatical assimilation, all of which comprise the formal assimilation of culinary terms borrowed from the Arabic language into the English language. The peculiar features of the culinary terms of Arabic origin are defined on the basis of their usage in the multicultural novel “The Kite Runner” (2003) by Afghan-American author Khaled Hosseini.*

***Keywords:** arabism, exotic culinary term, loanword, assimilation, multicultural novel.*

УДК 811.11

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ КАК СПОСОБ УБЕЖДЕНИЯ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ CLOSING ARGUMENTS FOR DEFENSE)

М.О. Осетрова, ассистент кафедры иностранных языков
Оренбургский государственный медицинский университет, Россия

***Аннотация.** В данной статье категория оценки рассматривается в прагматическом аспекте как способ воздействия на реципиента в рамках судебного дискурса, проводится анализ языковых средств убеждения в заключительных выступлениях англоязычных адвокатов.*

***Ключевые слова:** категория оценки, коммуникативная ситуация, персуазивная стратегия, языковые интенсификаторы.*

Исследование оценочных значений представляет особый интерес на современном этапе развития лингвистической науки, когда проблема взаимодействия семантики и прагматики стала одной из центральных. В литературе оценка рассматривается как «наиболее яркий представитель прагматического значения» [1, С. 5], поэтому прагматический аспект в оценочных высказываниях играет более важную роль, чем в других высказываниях, соотносённых лишь с миром предметным. В оценке семантический и прагматический аспекты неразделимы, все стороны её функционирования отражают слияние семантики (собственного значения языковых единиц) и прагматики (условий реализации процесса коммуникации) [2, С. 203].

В процессе изложения коммуникативной ситуации говорящий выражает своё отношение к объекту речи, то есть даёт ему положительную или отрицательную оценку, поставив перед собой цель убедить слушателя в своей правоте, заставить поверить в свои слова, согласиться и принять его точку зрения. В ходе анализа судебных защитительных выступлений адвокатов (Closing Arguments for Defense) было выявлено, что заключительная речь адвоката перед судом присяжных всегда включает определённую оценочную ситуацию (в некоторых случаях ряд оценочных ситуаций). В каждой оценке постоянно взаимодействуют субъективный и объективный факторы. В соответствии с логическими теориями оценки под аксиологическим (оценочным) оператором понимается оператор «хорошо/плохо», но в рамках судебного дискурса также присутствует оценка по признаку «истинность/неистинность», так как для суда присяжных, важно, насколько истинными являются предоставляемые доказательства (evidence) для вынесения им справедливого приговора

Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание всегда подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Е.М. Вольф приводит универсальную формулу оценочной модальности: **A r B**, где **A** представляет субъект оценки, **B** – её объект, а **r** – оценочное отношение [2, С. 12]. В рамках судебного дискурса субъектом оценки выступает адвокат, а объектом – суд присяжных. Предикат **r** в данной формуле (субъект – оценка – объект), на которой основана структура оценки, характеризуется рядом признаков, отражающих специфику оценочного отношения субъекта к объекту (эмотивность, оценочность, эмоциональность/рациональность).

Эксплицитно субъект оценки выражается двумя основными способами – с помощью прямого указания на лицо (по-моему, по его мнению), и с помощью фразы с пропозициональным глаголом (полагать, считать, казаться). Эти элементы оценочной структуры соответствуют компонентам оценки в логическом представлении [3, С. 57]. В естественном языке субъект и объект оценки часто соединяются аксиологическими предикатами мнения, ощущения, восприятия (think, suppose). В судебном дискурсе защиты субъектом оценки всегда является адвокат, которые через оценочные высказывания выражает своё отношение к судебному процессу. При сопоставительном анализе защитительных речей адвокатов было установлено, что через оценочные высказывания идет актуализация субъектом личного плана, что свидетельствует о его активной жизненной позиции, тенденции к авторитарности, лидерских качествах. Основной целью субъекта является убедить суд присяжных в правоте своего выступления, которая выражается через субъективную оценку адресанта. В судебных речах адвокатов можно встретить следующие аксиологические предикаты: *to think, to suppose, to seem, to feel, to admit, to hope, to believe, to suggest*, и их свёрнутые аналоги (*in my opinion, to my mind*), которые всегда используются с личными местоимениями первого лица (I, we). В этом случае аксиологический предикат служит основным средством экспликации модальной рамки оценки и вводит в высказывание эксплицитную субъективность, указывая на присутствие оценочного субъекта и представляя оценку как относящуюся к его концептуальному миру:

I believe the Government psychiatrists played that down. I think they also trivialized the frenetic behavior of the defendant over the months preceding the tragedy of March 30, 1981 [5].

В данном высказывании глагол «мнения» не обозначает ментальный процесс, а подчеркивает то, что оценка представлена как индивидуальное мнение, а не «положение вещей». Иллокутивная сила включения такого глагола – смягчение категоричности высказывания путем введения в него субъективности. Оценочные выражения и высказывания характеризуются особым свойством – степенью заинтересованности субъекта. Это свойство можно назвать аффективностью. Оно реализуется как в семантике отдельных оценочных слов, так и в структуре высказывания в целом. Аффективность выражается разными способами, в частности словами-интенсификаторами. Аффективные средства всегда принадлежат к модальной рамке. Довольно часто судебные ораторы прибегают к интенсификации субъективной оценки высказывания, прагматической целью которой является стремление сделать высказывание более убедительным для собеседника и усилить перлокутивный эффект – изменение эмоционального состояния адресата. В защитительных речах адвокатов можно встретить следующие виды интенсификаторов оценки:

1. аксиологические наречия

I really want to talk about the personality characteristics that we all lay people understand.

2. эмфатическая частица do

I do think it is important to focus on [several points] in that...

3. вводные конструкции

In making this decision I by no means am critical of the parents.

Выражение своего мнения, предположения или уверенности в том или ином факте присутствует в речи адвоката на протяжении всего выступления. В защитительной речи очень четко видна личность самого оратора, который пытается своим мнением оказать влияние на исход данного судебного дела.

Также субъективная оценка может выражаться и на морфологическом и лексическом уровнях. Для создания большей убедительности адвокаты используют аффиксы с положительной оценкой (-ful, -able) для характеристики своего подзащитного, что является реализацией персуазивной стратегии создания положительного образа подзащитного:

You heard Marcia Clark and you've heard the evidence and you've seen the evidence, and you're reasonable people [6].

Аффиксы с семей отрицательной оценки (un-, -less, ir-) используются по отношению к обвинительной стороне для реализации стратегии дискредитации оппонента (критика выступления и приводимых им обвинительных доказательств): *unnecessary* (details), *incomplete*, *insufficient*, *contradictory* (evidence), *unimportant* (words), *purposeless* (evidence).

Для выражения объективной оценки адвокаты используют прилагательные с семей положительной и отрицательной оценки, при этом подтверждая свои оценочные высказывания последующими доводами:

A good efficient, competent, noncorrupt police department will carefully set about the business of investigating homicides (Closing Argument of Johnnie Cochran in the O.J. Simpson Case) [6].

Для достижения перлокутивного эффекта судебные ораторы также используют аффективные прилагательные (в сравнительной и превосходной степени) и слова-интенсификаторы (very): *Now, ladies and gentlemen, the issue is very, very simple. If you do not believe the Arvizos beyond a reasonable doubt, Michael Jackson must be acquitted* [5].

This is the most serious plan that you have had. This is more serious than attacking the pigs, as they tried to pin onto the Yippies and the National Mobe [4].

К языковым оценочным средствам убеждения также можно отнести конструкции с использованием наречий-интенсификаторов:

1. Adverb + Verb / Participle II: *totally detached from reality, impulsively go out, artificially traumatized by interviewers.*

Оценочные слова широко употребляются при предикатах, в частности при глаголах, модифицируя действие или состояние. Принято считать, что наречия образа действия, к которым относятся и оценочные, добавляют свои семантические признаки к семантике глагола, специфицируя его и не меняя его функциональной структуры:

The truth never really had a chance because children were artificially traumatized by interviewers into falsely believing they were molested [6].

2. Adverb + Adjective: *a completely rational individual, absolutely absurd travel pattern, extremely important evidence.*

Очевидно, что коммуникативная цель интенсификации состоит в том, чтобы ввести в высказывание аффективный компонент, усилить таким образом «эмотивную» сторону оценки и тем самым эффективно воздействовать на адресата. В рамках судебного дискурса адвокаты активно используют оценочный компонент и различные языковые средства его выражения для реализации персуазивных стратегий с целью убеждения реципиента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3–43.
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Ивин, А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: МГУ, 1970. – 229 с.
4. Closing Argument for the Defendants by Mr. Kunstler. – Mode of access: <http://famous-trials.com/chicago8/1350-closing>
5. Famous trials [Электронный ресурс]. – URL: <http://law.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/ftrials.htm>.
6. Supreme Court of the United States [Электронный ресурс]. – URL: http://supremecourt.gov/oral_arguments/argument_transcripts.aspx

Материал поступил в редакцию 01.03.18.

**EVALUATION CATEGORY AS A METHOD OF PERSUASION
IN LEGAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF CLOSING ARGUMENTS FOR DEFENSE)**

M.O. Osetrova, Assistant at the Department of Foreign Languages
Orenburg State Medical University, Russia

***Abstract.** This article considers the category of evaluation in a pragmatic aspect as a way to influence the recipient within the framework of judicial discourse, the analysis of linguistic means of persuasion in the final speeches of English-speaking lawyers is carried out.*

***Keywords:** evaluation category, communicative situation, persuasive strategy, language intensifiers.*

УДК 811

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИМЯТВОРЧЕСТВА В ШВЕДСКОЙ КУЛЬТУРЕ

У.П. Природина, кандидат филологических наук, преподаватель

Частное образовательное учреждение дополнительного образования по изучению иностранных языков
«Скандинавская школа» (Москва), Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о регулировании процесса имятворчества законом на разных этапах развития шведского общества.

Ключевые слова: закон «Об именах», шведский язык, антропоним, антропонимическая формула.

В Швеции первый закон «О личных именах» (*personnamnslagen*) был принят 11 октября 1963 года. Официально до недавнего времени личные имена, фамилии и вторые фамилии регулировались шведским законом «Об именах» (*Namnlag*) от 24 июня 1982 года, который получил название *jämställdhetslagen* (закон о равноправии), поскольку в нем предполагалось утвердить принцип равенства, с одной стороны, между мужчиной и женщиной, а с другой – между детьми, рожденными как в браке, так и вне его. Новый закон предоставлял более широкий спектр возможностей получения фамилии вне пределов одного семейного круга. Одним из нововведений являлся выбор супругами фамилии мужа и жены в качестве общей. Также супруги имели право сохранить свои добрачные фамилии. Согласно закону, семье нельзя брать фамилию, которую кто-либо из ее членов взял в предыдущем браке (*giftasnamn*). Однако если мужчина или женщина сохранили такую фамилию, её можно дать ребенку, появившемуся в новом браке.

Ещё одно нововведение 1982 года – право использовать в качестве новых фамилии-патронимы или метронимы (рус. матронимы), т.е. фамилии, образованные от имени отца или матери + компонент *-son* или *-dotter*. Раньше такие родовые имена можно было получить в том случае, если фамилия еще не была закреплена официально. Эти фамилии, признанные ранее в соответствии со старым законом самостоятельными, лишились официальной защиты. Если отца зовут, например, *Wilbur* (Вильбур), можно взять фамилию *Wilbursson* (Вильбурссон). Вариант женской фамилии в этом случае – *Wilburdotter* (Вильбурсдоттер). Фамилия – гендерно-нейтральный антропоним. В связи с этим возможны такие варианты антропонимической формулы детей, названных *Estelle* (Эстелль), *Oskar* (Оскар), как *Estelle Victoriasdotter* (Эстелль Викторясдоттер), *Oskar Danielson* (Оскар Даниэльсон), *Oskar Danielsdotter* (Оскар Даниэльсдоттер), *Oskar Victoriason* (Оскар Викторясон), *Estelle Victoriason* (Эстелль Викторясон), *Estelle Danielsdotter* (Эстелль Даниэльсдоттер) у родителей с именами *Victoria* (Виктория) и *Daniel* (Даниэль).

Согласно закону «Об именах» от 24 июня 1982 года, недопустимо давать оскорбительные имена или имена, приносящие человеку какие-либо неудобства. Мальчика не следует называть женским именем, а девочку – мужским. Вместе с тем имя не должно звучать как фамилия или не подходить по другим причинам [Namnlag 1982: §34].

Отметим, что «формирование» антропонимической формулы регулируется законодательством и контролируется Патентно-регистрационным управлением (*Patent- och registreringsverket, PRV*) (до июля 2017 года), налоговой службой (*Skatteverket*), экспертами-лингвистами. В случае отказа принять имя или фамилию решение можно обжаловать в административном суде первой инстанции (*Länsrätten*), затем – второй (*Kammarrätten*), и наконец – в Верховном административном суде (*Regeringsrätten*) [2, С. 14].

Не исключены случаи обращения в Суд по патентным спорам (*Patentbesvärslätten*). Так, согласно закону «Об именах» от 1963 года, для новообразованных фамилий действовало следующее правило: «по способу своего образования, произношению и написанию» они должны были соответствовать «местным нормам употребления». Эта формулировку подобрали с целью охватить не только шведские, но также финские и саамские фамилии. В связи со стремлением к интернационализации в закон «Об именах» от 1982 года внесли изменения. Новое постановление гласит, что в качестве новообразованной фамилии «не может быть признана неприемлемая в стране по способу своего образования, произношения или написания» [Namnlag 1982: §12]. Поправка вступила в силу несмотря на критику со стороны Патентно-регистрационного управления, а также Шведской языковой комиссии (*Svenska språknämnden*; с 2006 года – Шведский языковой совет). Вышеупомянутая формулировка повлекла за собой быстрое изменение целого пласта шведских фамилий. Некоторые заявки на получение новой фамилии, отклоненные Патентно-регистрационным управлением, после обжалования были одобрены Судом по патентным спорам. В некоторых случаях речь шла о таких фамилиях, которые не вызывают затруднений при произнесении, но по своей структуре сильно отклоняются от шведских норм, например, *Lamagia* (Ламажия) и *Lebelia* (Лебélia).

Приведем ещё пример, когда немаловажную роль «в принятии» того или иного имени играют эксперты-лингвисты. Так, например, произошло с присвоением имени *Io* (Ио). Тогда администрация прихода Всех Святых в Лунде отклонила ходатайство женщины о присвоении ей имени Ио, мотивируя это тем, будто данное

слово не является именем, а представляет собой сокращение от уже существующего имени заявителя *Ingrid Olga* (Ингрид Ольга). Кафедральный капитул Лунда не удовлетворил просьбу об обжаловании и заявил, что использование слова Ио в качестве имени, безусловно, неприемлемо. Апелляционный административный суд представил заключение Шведской языковой комиссии, которая не возражала против данного имени. В частности, Шведская языковая комиссия подчеркнула, что женское имя Ио хорошо известно из греческой мифологии, а слово Ио имеет очевидные именные характеристики и не может принести каких-либо неудобств его обладателю. Учитывая преимущественно этот комментарий, апелляционный административный суд счел, что использование слова Ио в качестве личного имени не может стать причиной возмущения и/или предполагаемых неприятностей для его обладателя. Также суд не выявил никаких обстоятельств, говорящих о том, что имя в силу иных причин не может считаться приемлемым. Таким образом, апелляционный административный суд Гётеборга в 1984 году одобрил Ио в качестве личного имени для заявителя.

16 июня 2016 года правительство Швеции приняло решение о новом «Законе об именах», который вступил в силу 1 июля 2017 года. Закон повлек ряд изменений. Так, теперь стало дешевле изменить имя: вместо 1000 шведских крон это стоит 250. Если человек желает изменить фамилию на патронимическую или матронимическую, то это можно сделать бесплатно, при условии, что в основу фамилии заложено имя родного отца или родной матери. Бесплатно разрешено изменить имя или фамилию, если их написание не повлечет за собой изменений в произношении. Например, имя *Thomas* (Тумас) изменить на *Tomas* (Тумас), фамилию *Jansson* (Янссон) на *Janson* (Янсон) [4].

Раньше при рождении или усыновлении/удочерении детям автоматически присваивали фамилию родителей. Если у родителей были разные фамилии, ребенок получал ту фамилию, которую носили его братья и сестры. В случае отсутствия братьев и сестер, ребенку давали фамилию матери. Сейчас родители должны подать заявление на получение фамилии одновременно с заявлением на присвоение имени новорожденному.

С июля 2017 года разрешено использовать двойные фамилии. Существует вероятность того, что возникнут проблемы у будущего поколения, когда родители – оба обладатели двойных фамилий – не смогут дать своим детям три или четыре фамилии. Так же при рождении ребенок может получить абсолютно новую фамилию.

Сейчас имя и фамилию разрешено менять сколько угодно раз. Шведы вообще отличаются пристрастием к частой смене составляющих антропонимической формулы, и теперь они смогут лишней раз проявить себя. В настоящее время можно сменить фамилию на ту, которая не связана ни с родителями, ни с кем-либо из родственников. Но для этого требуется по меньшей мере 2000 обладателей подобной фамилии в Швеции. Возможно, например, поменять фамилию на *Gullberg* (Гуллберг). Носителями этой фамилии являются 2020 человек. Однако не получится взять фамилию *Wallenberg* (Валленберг), поскольку ее носят 486 человек, или *Ibrahimovic* (Ибрагимович) – 222 человека, *Bernadotte* (Бернадотт) – 11 человек. На сайте Статистического управления Швеции (*Statistiska centralbyrån*) можно проверить, сколько человек в настоящее время обладает фамилией, которую вы хотите взять. Получается, что такие распространенные в Швеции фамилии, как *Nilsson* (Нильссон), *Andersson* (Андерссон), *Johansson* (Юханссон), но и, скажем, *Hjort* (Юрт), *Åkerman* (Окерман), *Rask* (Раск), *Brink* (Бринк) и др., теряют «защиту» и любой желающий может приобрести их за 1800 шведских крон. С 1 июля 2017 года налоговая служба несет ответственность за смену имени и фамилии. Раньше этими вопросами занималось Патентно-регистрационное управление.

Исходя из вышесказанного и учитывая, что имя социально, при частой смене имени и фамилии, видимо, не избежать курьезных случаев, когда человек во время процедуры смены имени/фамилии, может одновременно оформлять другие документы, указывая «старые» антропонимы. Например, при покупке авиабилета, оформлении кредитных карт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. En ny lag om personnamn. Betänkande av Namnlagskommittén. – Stockholm: Elanders Sverige AB, 2013. – 647 s.
2. Nyman, C. Namninspiration när barnet ska namnges. 2000 namn med förklaringar, betydelse, ursprung, popularitet, namnsdagar och trendlistor [Text] / C. Nyman. – Malmö: Första upplagan, 2009. – 233 s.
3. Namnlag 1982 // Brylla E. Ursäkta, hur var namnet? Personnamn i praktiskt bruk. – Uppsala: Bombus, 2002. – S. 110–126.
4. <https://www.expressen.se/nyheter/lagen-andras-nu-blir-det-lattare-att-byta-namn/>.

Материал поступил в редакцию 01.02.18.

NEW OPPORTUNITIES FOR NAME CREATION IN SWEDISH CULTURE

U.P. Prirodina, Candidate of Philological Sciences, Lecturer
Private Educational Institution of Further Education on Study of Foreign Languages
“Scandinavian School” (Moscow), Russia

***Abstract.** This article discusses the regulation of the process of name creation at different development stages of the Swedish society.*

***Keywords:** “Naming law”, Swedish, anthroponyms, anthroponymic formula.*

УДК 1751

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Е.А. Басова, студент бакалавриата
Российский университет дружбы народов (Москва), Россия

Аннотация. Автор данной статьи ставит целью выявить и объяснить лексические и фонетические особенности разговорной речи носителей французского языка, обусловленные влиянием совокупности различных социальных факторов. Объектом анализа является разговорная речь носителей французского языка, а его предметом – особенности французской разговорной речи, определяемые их принадлежностью к разному полу и роду деятельности. **Метод или методология проведения работы.** В процессе анализа применялись сопоставительный, индуктивный, регистрационный методы, метод реконструкции, статистического обоснования, данные смежных наук и объяснительные описания. **Результаты.** Результаты работы заключаются в том, что автором были выявлены особенности разговорной речи представителей мужского и женского полов, а также влияние на них таких факторов, как социальная среда и род деятельности. **Область применения результатов.** Результаты исследования могут найти применение при подготовке курсов по лексикологии французского языка и культуре речевого общения, на практических занятиях по французскому языку и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: французская разговорная речь; гендер; пол; женщина; мужчина; носители; язык.

Французский язык и, в частности, его конкретное проявление в разговорной речи носителей – представителей различных возрастных групп и обоих полов, представляет собой обширную сферу для исследований. Французский лингвист А. Мейе утверждает, что язык – это социальное явление, а задача лингвистики состоит в том, чтобы показать его взаимосвязь с обществом [11, С. 16–18].

Ранее, до 60-х годов 20 столетия стереотипы о полах были устоявшимися и непоколебимыми, а исследования о различиях коммуникативной деятельности носили несистематический характер. О. Есперсен пришёл к выводу, что женщины и мужчины вносят различный вклад в развитие языка: речь женщин более традиционна и консервативна; мужчины, напротив, часто пытаются изобрести нечто новое во время речевого процесса [9, С. 231]. Женский язык считался неправильным, дефицитным, а мужской – нормой. Социолингвистические труды В. Лабова в 70-е годы представили важное доказательство социальной природы гендерных различий в использовании языка. Его основной вывод имел чрезвычайно важное значение, так как он опроверг гипотезу природной обусловленности различий в речи и использовании языка у мужчин и женщин. В. Лабов показал, что различия в речи не носят абсолютного характера. Существует лишь более высокая вероятность того, что один вариант предпочтут женщины, а другой – мужчины. При этом он полагал, то предпочтительность зависит от социальной группы, общественных ожиданий и других социальных, а не природных факторов [6, С. 260].

Феминистскую теорию поддерживала Р. Лакофф. Она утверждала, что существует особый женский язык и слова, игнорируемые мужчинами (*lavender, mauve*), что женщинам свойственно употребление семантически опустошенных междометий, они часто дают минимальные реакции в процессе разговора (*aha, mhm*), мужчины же не дают практически никаких сигналов обратной связи, женщина часто использует эмоционально окрашенные прилагательные, речь более вежлива, слова выражают неуверенность. Лакофф считала, что женщину, которая дискутирует, воспринимают как объект (сексуальный или др.), а не как серьёзную личность с индивидуальными взглядами [10, С. 147, С. 7].

Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки полагают, что женщинам в речи присущ консерватизм, они редко используют неологизмы [1, С. 54–55].

Современные гендерные исследования регулярны, основательны и широко масштабны. В 90-ые годы некоторыми учеными было окончательно опровергнуто существование особого женского языка с константными признаками, которые в своё время описала Р. Лакофф. Таким образом, стало ясно, что гендерный фактор не покрывает полностью различий в речевом поведении мужчин и женщин. Одни ученые полагали, что индивида нужно рассматривать с точки зрения его взаимодействия с целой сетью определяющих факторов, другие ученые видели определенные различия в речевом поведении мужчин и женщин.

Д. Таннен анализирует коммуникативные неудачи в общении лиц разного пола и объясняет их разными требованиями, предъявляемыми обществом к мужчинам и женщинам, а также спецификой социализации в детском и подростковом возрасте, когда общение происходит преимущественно в однополых группах. Под воздействием этих факторов у мужчин и женщин вырабатываются разные мотивы поведения, разные стратегии и тактики общения. Речевое поведение мужчин, как правило, нацелено на достижение и сохранение независимости и высокого статуса. От женщин общество ожидает неконфликтности, уступчивости, эмоциональности. Эти различия ведут, согласно концепции Д. Таннен, к различиям в целях общения и в интерпретации высказываний [14, С. 383].

Так, если сравнить разговорную речь мальчиков и девочек, то выяснится, что девочки владеют большим лексическим запасом, ведут себя активнее и их речь лучше сформирована, дикция четче. Ученые объясняют это различными играми. Игры девочек толкают их к речевой деятельности, к постоянному озвучиванию действий, к коммуникации, в то время как игры мальчиков сопровождаются в основном междометиями. Таким образом, именно различия форм деятельности являются причиной разницы в коммуникативном поведении. Ранее существовало четкое разделение на женские и мужские профессии. В конце 19 века появилось понятие *суфражистки* (*les suffragettes*). Во время борьбы за избирательное право и после его получения они начали обсуждать соответствующие проблемы, тем самым расширив свой активный лексический запас, употребляя слова и выражения, которые раньше абсолютно не относились к женщинам. Кроме того, большинство женщин в то время уже работало наравне с мужчинами, что вынуждало их пользоваться профессиональной лексикой и другими словами мужского типа. Естественно, эти слова не могли остаться лишь в профессиональной сфере, женщины переносили их в бытовую жизнь, свободно используя в повседневной речи. И.Н. Скачкова убеждена, что во французском языке существует асимметрия по половому признаку, словам женского рода приписываются женские характеристики, а словам мужского рода – мужские. [5, С. 76]. Изначально некоторые формы женского рода, например, *magistrate*, образованные по модели *avocate, huissière* – по модели *caissière, échevine* – по модели *laborantine* могли вызвать усмешку у носителей языка. Однако постепенно употребление данных форм получило распространение сначала в СМИ, а затем в обиходной речи. На современном этапе в качестве маркера добавляется артикль женского рода *la*: *la Ministre de l'Agriculture, la juve X, la vice-rectrice, la consultante indépendante*.

Несмотря на то, что в определенной степени гендерные различия в речи стираются, некоторыми учеными они выявляются достаточно четко. Например, Н.Л. Пушкарева полагает, что женщинам свойственно частое использование развернутых синтаксических конструкций [3, С. 298–303]. Доказано, что современное коммуникативное поведение мужчин и женщин отличается и в реакциях на реплики: мужчина, прежде чем начать говорить, про себя обдумывает всё, что было услышано, чтобы дать наиболее точный ответ. Так, А.Д. Петренко, Э.Ш. Исаев и О.Е. Клецова полагают, что мужчины обдуманно строят высказывания, стремятся к лидерству, выстраивают иерархию, сначала формулирует свой ответ внутри, затем высказывает его, а женщина же думает вслух, демонстрируя свой внутренний мыслительный процесс собеседнику [2, С. 28–34]. Д. Спендер полагает, что характеристики женского языка нельзя оценивать отрицательно. Скорее наоборот – сдержанность и вежливость в разговоре свидетельствуют о силе женщин. Считается, что мужчина говорит языком фактов и воспринимает всё буквально, а женщина, давая волю чувствам, прибегает к поэтической свободе, использует превосходные степени, преувеличения, метафоры и обобщения [12, С. 8].

Как показали исследования Дж. Коатс, мужчины и женщины предпочитают разные темы для разговора. Мужчины обсуждают темы, которые считаются серьезными – работа, автомобили, политика, они стремятся показать свою осведомленность и быть лидером разговора. Женщины говорят о семье, чувствах, личных отношениях, желая проявить сочувствие, мягкость. Такие темы считаются тривиальными [7, С. 58].

Говорящие индивиды (мужчины и женщины) вплетены в целую сеть определяющих факторов, которые должны быть проанализированы в их единстве. При равенстве прочих условий (социальный и профессиональный статус, коммуникативная роль и др.) мужчины и женщины могут избирать различные стратегии речевого поведения, что даёт основание говорить о гендерных особенностях мужской и женской речи. Даже одинаковое речевое поведение мужчин и женщин нередко воспринимается реципиентами как различное. Этот факт привёл к возникновению феминистской лингвистики, которая при оценке речевого поведения мужчин и женщин отводит главенствующую роль не фактическим различиям, а сложившимся в обществе стереотипным ожиданиям. В частности, Дж. Коатс утверждает, что, хотя язык и андроцентричен, мужчинам и женщинам присущи особые черты, они все же стремятся к разнополюм союзам и жизни на одной территории, а, как следствие, не имеют значимых различий в языках [8, С. 39].

Одним из важных факторов, оказывающих влияние на речь французов, является их принадлежность к определенному социальному слою. Так, речь представителей аристократии и низших слоев общества имеют кардинальные различия. Весомым в процессе формирования речи ребенка является тот факт, в какой семье он вырос. Представители аристократии склонны к сохранению литературного французского языка, соблюдению всех норм, а представители низших слоев предпочитают употребление лексических единиц сниженного стиля. Кроме того, существует теория внутригрупповых отношений Г. Тайфеля, который рассматривал социальный статус как признак группы, утверждая, что женщины принадлежат к группе с низким социальным статусом, поскольку в обществе их оценивают ниже мужчин [13].

Дж. Коатс привела пример эксперимента Дж. Чешин, которая исследовала особенности речи группы подростков и пришла к выводу, что нелитературные формы чаще используются мальчиками, девочки предпочитают более близкие к стандарту произношение [8] и лексические единицы. Эта особенность характерна также для взрослых. Женщины реже используют нелитературные формы, чем мужчины.

В качестве примера влияния специфики рода деятельности на речь французов можно привести, в частности, так называемый «jargon normalien», сленг, характерный для учеников Высшей нормальной школы Парижа (Эколь Нормаль). Базу студенческого аргумента формируют, например, следующие лексические единицы:

Aquarium – холл на первом этаже Высшей школы, назван так со времен, когда у входа находился консьерж в своего рода застекленной будке, которая вызывала у учащихся ассоциации с аквариумом.

Archicube – название произошло со времен, когда обучение длилось три года, «cube» означает в этом контексте «третья степень», после того, как были сданы итоговые экзамены, студенты становились бывшими студентами.

Cacique – близко к значению слова «вождь», так называли студента, который получил первое место в конкурсе при поступлении или лучше всех успевал по определенной дисциплине.

Ernests – красные рыбы, которые жили в водоеме, расположенном посреди двора Эколь Нормаль, были выведены директором Э. Берсом (1871-1880) или историком Э. Лависсом (1842-1922). Производные: *ernestiser* – выбросить кого-то в пруд (ритуал, который выполняется студентами политехнических специальностей при поступлении в Эколь Нормаль. [4, П. 2.6]

Итак, нами были изучены различные точки зрения исследователей относительно влияния различных социальных (особенно гендерного) факторов на речь. В частности, некоторые ученые полагают, что женская речь кардинально отличается от мужской в плане целей, выбора языковых средств, реакций – что она более мягкая, эмоциональная, компромиссная, наполненная эпитетами, бессмысленными высказываниями для поддержания беседы, эвфемистичная, творческая, а мужская преисполнена профессиональной лексики, обдуманности, сдержанности, нецензурных выражений, кратких фраз, авторитетности, пауз. Мужская и женская речь характеризуется рядом различий даже в случае, если профессиональная деятельность у обоих полов подобна и другие обстоятельства совпадают. Исследователи, придерживающиеся противоположной точки зрения, считают, что на современном этапе различий практически нет, мужчины и женщины говорят одинаково.

Результаты анализа показали, что восприятие учеными женской и мужской речи претерпело изменения в соответствии с процессом исторического и социального развития общества, что привело к существованию кардинально различных точек зрения. Мы склоняемся к тому, что в настоящее время в речи мужчин и женщин различий практически нет. Формы, которые ранее считались женскими, могут быть присущи мужчинам в такой же степени, как и мужские – женщинам. Представители обоих полов выбирают тот или иной вариант в речи в зависимости от своего кругозора, социального окружения, профессии. Тем не менее, нельзя отрицать выбор тем и целей общения. Согласно нашим наблюдениям, мы считаем правильным вывод о том, что мужчины стремятся к лидерству в разговоре, они более сдержанны, в их речи преобладают паузы, а разговор женщин направлен на обмен новостями, сочувствие, им важнее выговориться и дать ощутить собеседнику свое внимание, заполняя паузы не несущими смысл звуками и словами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахтин, Н.Б. Социоллингвистика и социология языка. / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин – Санкт-Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
2. Клецова, О.Е. Мовлення чоловіків і жінок у соціолінгвістичному аспекті. / О.Е. Клецова // Лінгвістика. – 2011. – № 3 (24). Ч. 2. – С. 28–34
3. Пушкарева, Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки. / Н.Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 31–40.
4. Свободная энциклопедия Википедия, статья «École normale supérieure(Paris)» – Режим доступа: [https://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89cole_normale_sup%C3%A9rieure_\(Paris\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89cole_normale_sup%C3%A9rieure_(Paris)).
5. Скачкова, И.И. Гендерная проблематика в зарубежном теоретическом языкознании: к истории вопроса. / И.И. Скачкова // Вестник ТГЭУ. – 2009. – № 4. – С. 119–132.
6. Хакимова, Г.Ш. Гендер как составляющая обучения межкультурной коммуникации. / Г.Ш. Хакимова // Коммуникативно-функциональное описание языка. Сб. науч. статей. Ч. 1. Уфа, 2005. – 260 с.
7. Coates, J. 'Gossip revisited: language in all-female groups' in Cameron, D. and Coates, J. (eds.) 1989. Women in Their Speech Communities. / J. Coates – Longman. 1989. – P. 94–122
8. Coates, J. *Women, Men and Language*. / J. Coates – Longman, 1986. – 228 p.
9. Jespersen O. The Woman. / O. Jespersen – The Feminist Critique of Language. Ed. by D. Cameron. London, 1998. – P. 225–241.
10. Lakoff, Robin. Language and woman's place. / Robin Lakoff – New York, 1975.
11. Meillet, A. Linguistique historique et linguistique générale. / A. Meillet – Paris, 1926.
12. Spender D. Man Made Language. / D. Spender // *Philosophy in Review*. – 1981. – № 1 (2/3). – P. 123–126.
13. Taifel H. Social identity theory. / H. Taifel – 1978. – P. 24
14. Tannen D. 1990. You just don't understand: Men and women in conversation. / D. Tannen – Ballantine, Family & Relationships – 1990. – 330 p.

Материал поступил в редакцию 28.02.18.

**THE INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS
ON FEATURES OF THE FRENCH SPOKEN LANGUAGE**

E.A. Basova, Bachelor's Degree Student
Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), Russia

Abstract. *The author of this article aims to identify and explain the lexical and phonetic features of French spoken language, due to the influence of a set of various social factors. The object of analysis is the spoken language of French speakers, and its subject – features of French spoken language, determined by their belonging to different sex and occupation. **Methodology of work.** The comparative, inductive, registration methods, reconstruction method, statistical substantiation, data of related sciences and explanatory descriptions were used in the process of analysis. **Results.** The results of work consist in the fact that the author revealed the peculiarities of the spoken language of male and female representatives, as well as the influence of such factors as the social environment and occupation on them. **Field of results' application.** The results of study can be applied in the preparation of courses on lexicology of the French language and culture of language communication on practical classes in the French language and intercultural communication.*

Keywords: *French spoken language, gender, sex, woman, man, native speaker, language.*

**Languages of Peoples of European, Asian,
African countries, Aborigines of America and Australia**
**Языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии**

УДК 80

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ АВСТРАЛИЙСКОГО КОНТИНЕНТА

О.О. Кириллова, кандидат культурологии, доцент
Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

***Аннотация.** В статье представлен обзор многофункциональных топонимов Австралии в диахроническом и синхроническом аспектах. Первостепенной задачей этого исследования является описание основных явлений топонимической системы: от собственно топонимов и до прозвищ и фразеологических единиц, образованных от них. Многофункциональность топонимов рассматривается на примере городов, штатов и континента Австралии.*

***Ключевые слова:** топонимы Австралии, топонимы-омонимы, топонимы-синонимы, топонимические прозвища, топонимические фразеологические единицы.*

Национальное своеобразие культуры австралийского континента рассматривалось нами на примере этнической лексики в международном научном журнале «Филология» № 3 (3), 2016, где освещались вопросы безэквивалентной, коннотативной и фоновой лексики. В этой статье будет продолжена тема изучения отражения этнической лексики на примере топонимической системы, а именно: топонимов, топонимов-омонимов, топонимов-синонимов, топонимических прозвищ, а также образования фразеологических единиц на основе топонимов.

Прежде, чем мы рассмотрим эти основные группы в рамках австралийской лингвокультуры [1, С. 135], необходимо дать определение самому понятию «топонимика».

Топонимика – раздел ономастики, исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, ареал распространения, развитие и изменение во времени. Совокупность топонимов на какой-либо территории составляет её топонимию [6, С. 444]. Кроме того, топонимы служат средством выражения национального колорита. Они относятся к тому разряду лексики, в структуре которых отражаются результаты ментальной деятельности народа, его социокультурный опыт. По словам Р. Файзуллаевой внешняя специфика национального колорита проявляется в культуре народа, характере его, обычаях, нравах, традициях, чувствах, взглядах [5, С. 7].

Лексический топонимический слой языка отличают высокий образный и страноведческий потенциал, ярко выраженная национально-культурная семантика, поскольку топонимы, с одной стороны, обозначают конкретные географические объекты, а с другой стороны, тесно связаны с историей и культурой того или иного народа, причем название часто обусловлено сущностью географического объекта [4, С. 208]. Употребление той или иной топонимической лексической единицы может способствовать передаче экстралингвистической информации. Переносное метонимическое или метафорическое употребление топонима является одним из языковых средств создания национальных словесных образов, национальных стереотипов. Таким образом, топонимическая лексика английского языка составляет систему, обслуживаемую единым языком и состоящую из нескольких подсистем, топонимической лексики отдельных англоязычных стран. Эти подсистемы взаимодействуют друг с другом.

Как замечает один из современных исследователей Австралии В.В. Ощепкова [4, С. 210], «подсистема английской топонимической лексики соотносится с топонимикой других англоязычных стран как более древняя и более молодые подсистемы. Эти подсистемы, составляя общую систему, отличаются каждая рядом специфических, присущих только данной подсистеме черт. Топонимическая система Австралии, являясь относительно молодой, отличается следующими особенностями: прозрачная внутренняя форма топонимов, наличие большого количества названий-переносов из бывшей Метрополии в бывшую колонию, обогащение за счет аборигенных названий. Эти подсистема характеризуется также развитой системой топонимов-омонимов и топонимов-синонимов как внутри подсистемы, так и во всей системе в целом.

Так, топонимы-австрализмы составляют одну из относительно молодых подсистем, т.к. первое европейское поселение в Австралии относят к концу XVIII века, поэтому многие топонимы-австрализмы отличаются

прозрачной внутренней формой, например: Brown Range (Коричневая гряда гор), Great Island (Великий остров)» [4, С. 212]. Первопоселенцы следовали правилу аборигенов, давая прозвища различным явлениям природы. Другими словами – что вижу, о том и пою. В то же время во времена «золотой лихорадки» возникло множество поселений, многие из которых позже стали крупными городами. Следуя способу «прозрачности» можно было бы предположить, что в их названия войдет компонент 'gold', однако этого не произошло. Это явление связывают как с таинственностью, окружавшей добычу золота, так и с опасениями правительства вызвать нехватку рабочей силы в развивающейся промышленности, поскольку люди будут привлечены в золотодобывающую промышленность.

Единственным названием, непосредственно связанным с добычей золота и включающим элемент 'gold', является Golden Mile (Золотая миля) в штате Западная Австралия. На карте страны в ее восточной части можно увидеть несколько названий с элементом 'gold', но с месторождениями золота они не связаны, а, как правило, прославляют природу, климат и т.д. Среди них: Golden Coast (Золотое побережье), Golden Grove (Золотая роща) [4, с.213]. Таким образом, мы видим, что к середине XIX века у многих топонимов внутренняя мотивировка названия перестала прослеживаться.

Топонимы-омонимы

Особый ряд составляет так называемая перенесенная топонимия, дублирующая названия на новой территории тех мест, откуда осуществлялась миграция. В связи с этим принято говорить о «топонимах-омонимах, т.е. об одинаковых по звучанию названиях географических объектов, находящихся в разных странах».

Одной из отличительных черт англоязычной топонимики является наличие значительного количества топонимов-омонимов, появившихся в результате контактов бывших английских колоний и бывшей метрополии [4, С. 213], например: Sydney (Australia) и Sydney (Canada), Melbourne (Australia) и Melbourne (USA). В Австралии среди топонимов-омонимов есть также шотландские топонимы, такие как Perth, Waverley, Blair Athol.

Явление омонимии характерно не только на уровне всей англоязычной топонимической системы, но и внутри каждой подсистемы. Так, на территории Австралии существуют топонимы-омонимы и топонимы, образующие омонимические пары с английскими названиями (например, такое название, как Sandy Creek (Песчаный ручей), зарегистрировано на карте страны 130 раз) [4, С. 214]. Существование одинаковых названий создает определенные трудности, поэтому предпринимались попытки переименования топонимов-омонимов. Например, одна из двух рек, носивших одинаковое название Herbert (Герберт), была переименована в Georgina (Джорджину). А вот переименование австралийских городов вызвало энергичные протесты жителей. Интересно отметить, что австралийцы не только не возражали против существования названий городов, омонимичных британским, но и гордились этим обстоятельством, а в период после Второй мировой войны высылали посылки с продовольствием жителям британских городов-тезок [2, С. 85].

Интерес представляет тот факт, что в период колонизации многим географическим объектам присваивались имена знаменитых английских людей. Так, австралийский город (Queenstown) и штат (Queensland) были названы в честь английской королевы Елизаветы I, столица Южного штата названа в честь английской королевы Аделаиды (Adelaide), одна из гор и столица Северной территории носят имя естествоиспытателя Чарльза Дарвина (Darwin), а небольшой железнодорожной станции на западе Австралии было дано имя одного из первых исследователей страны Джеймса Кука (Cook).

Топонимические прозвища

Для англоязычной топонимии характерна развитая система топонимических прозвищ, образных наименований. Вместо официальных форм некоторых названий-топонимов (государств, штатов, городов) в речи часто употребляются более образные топонимические прозвища. Причем большинство крупных географических объектов имеет не одно, а несколько образных наименований, различающихся по стилю употребления и коннотациям.

Народные названия штатов представляют интерес благодаря своей образности: Новый Южный Уэльс – Ma State (штат-мамочка), the Premier State (Первый штат)¹, Северная Территория – the Top End (Северная оконечность), Западная Австралия – Gropeland (земля, которую надо искать, идти к ней ошупью) или Westralia (путем сложения двух основ West и Australia), Тасмания – Raspbertyland (малиновый край), Apple Island (яблочный остров), Виктория – Cabbage patch.(капустная грядка)²

Использование топонимических прозвищ в этнической лексике Австралии также популярно для городов – столиц этих штатов: Перт – the Swan City (город лебедей), Аделаида – Church City (город церквей), Мельбурн – Chess Board City (шахматная доска)³, Sydney – Coat Hanger (вешалка)⁴.

Существуют как диахронические, так и синхронические топонимические прозвища-синонимы в адрес Австралии, такие как Terra Australis (Южная Земля), New Holland (Новая Голландия), Botany Bay (Ботанический залив)⁵, the Land of Wattle (Земля Акации)⁶, the Lucky Country (Счастливая Страна), the Land of Promise (Земля обетованная), Kangarooland (Страна Кенгуру), Aussieland (Страна Оззи)⁷, Down Under (На краю света) и т.д.

Название Terra Australis было дано материка в период великих географических открытий. После экспедиций голландских исследователей материк получил имя New Holland. Во времена тотальной транспортировки

ссылных из Великобритании Австралию называли Botany Bay. С открытием на континенте богатых месторождений золота и последовавшей вслед за этим «золотой лихорадкой» (1851 г.) Австралию стали воспевать как the Lucky Country и the Land of Promise. Это яркие примеры диахронических топонимических прозвищ.

Kangarooland, Aussieland, Down Under, the Land of Wattle – примеры синхронических топонимических прозвищ. Необходимо отметить, что несмотря на то, что Австралию называют так во всем мире, сами австралийцы по отношению к своей стране эти наименования используют не часто.

Также среди австралийцев популярным стало употребление синонимических названий относительно одного и того же объекта, характеризующего его по одним и тем же признакам. Например, для обозначения внутренних, засушливых районов австралийского материка употребляется несколько синонимических наименований, таких как the Outback (отдаленный и необжитой район), а также Dead Heart (мертвое сердце), Red Heat (красная жара), the Red Centre (красный центр), Centralia (глубинка, самый центр Австралии). Одно из названий внутренних районов Never-never было использовано Л. Воляновским в названии книги «Почта в Никогда-никогда», а Г. Лоусон утверждал, что это название местности появилось потому, что люди, побывавшие в этих пустынных, выжженных солнцем местах, клялись «никогда-никогда» не возвращаться туда [4, С. 218]. По сути весь этот богатый список топонимов-синонимов описывает выжженную солнцем и непригодную для жизни центральную (глубинную) часть континента. В данном регионе слово «центральный» несет негативную коннотацию, в то время как окраины материка – «положительную».

Образование фразеологических единиц на основе топонимов

Об образности топонимов, ярко выраженной национально-культурной семантике, свидетельствует и то, что на их основе образовано множество фразеологических единиц. Большинство из них входит в основной состав общеанглийских фразеологизмов, но некоторые из них отличаются локальной маркированностью образности, их употребление ограничено рамками того или иного национального варианта английского языка, например, такой фразеологизм-австрализм, как Sydney or the bush (пан или пропал) [4, С. 222].

Топоним является настолько ярко окрашенным словом, что может создавать в тексте ориентир времени, не указывая на него. Историческое событие может быть прямо не названо, в этом случае топоним является проективным показателем, позволяющим коммуниканту, обладающему необходимыми фоновыми знаниями, соотносить их с описываемыми событиями. В связи с этим необходимо упомянуть одну из особенностей топонимического образа – его мобильность во времени и пространстве. В данном случае перенос образности на другой объект. Подобная мобильность может привести к стиранию образности или ее переосмыслению. Например, название залива в Новом Южном Уэльсе – Botany Bay (Ботанический залив), которое дал ему ботаник Бэнкс, член экспедиции Джеймса Кука, из-за обилия и разнообразия растительности в заливе, позже подвергается вторичной номинации. Название Botany Bay получает каторжное поселение в районе залива в 1787-1867 гг., затем на его основе образуется ряд устойчивых сочетаний и фразеологизмов. Среди них: Botany dozen – наказание в 25 ударов плетью (1841-1853); to botanize – высылать на каторжные работы из Великобритании в австралийские колонии и мн.др. Позже, в 1841-1853 гг., в Великобритании название Botany Bay используется как одно из топонимических прозвищ всего австралийского континента. Одновременно Botany Bay – разговорное название некоторых колледжей Оксфордского и Кембриджского университетов. Название Botany Bay употребляется в значении «на краю света, далеко как Австралия», так как эти колледжи расположены далеко от основных зданий университетов [4, С. 226]. В настоящее время это название устарело и, так же, как и название «колонии», употребляется в тексте для воспроизведения колорита соответствующей эпохи.

Таким образом, топонимы как лексический слой языка являются носителями знаний о стране (в нашем случае об Австралии), они не ограничиваются лишь фиксацией места действия. В связи с этим знание связанных с ними ассоциаций, стереотипных коннотаций, национальных образов, лежащих в их основе, способствует адекватному восприятию национального контекста художественного, публицистического и других видов текста, способствует восприятию его эмоционального настроя, имплицитной информации, содержащейся в тексте [4, С. 227].

Австралийские топонимы занимают важное место на языковой карте мира, что необходимо для лингвокультурологических и лексико-семантических исследований AuE, они как бы «достаивают» языковую карту мира [3, С. 12]. Австралийские топонимы – уникальное языковое явление, имеющее свою собственную историю развития, процесс становления которого не завершен.

Примечания

¹ Новый Южный Уэльс был первым штатом, который открыл Джеймс Кук.

² Вид Виктории с высоты самолета напоминает капустную грядку, кроме того, многие его жители занимаются огородничеством.

³ Планировка города Мельбурна с его четко расчерченными улицами напоминает шахматную доску.

⁴ Главный мост над бухтой Harbour по внешнему виду напоминает вешалку.

⁵ Первая географическая точка на карте Австралии, нанесенная Джеймсом Куком. Ссылные называли этот континент Botany Bay.

⁶ Прозвище Австралии the Land of Wattle (Страна Акации) отражает особенности австралийской флоры (на континенте произрастает около 500 видов акации – wattle), изображение веточки акации также входит в герб страны.

⁷ Оззи – прозвище жителей Австралии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кириллова, О.О. Этническая лексика как отражение национального своеобразия культуры австралийского континента / О.О. Кириллова // Филология. Международный научный журнал. – 2016. – № 3 (3).
2. Кириллова, О.О. Культурные и языковые связи Австралии и Великобритании в историческом и современном аспектах: дис...канд. культурологии / О.О. Кириллова. – М., 2003.
3. Назарова, О.Б. Формирование и функционирование неформальной лексики австралийского варианта английского языка (на примере лексико-семантического поля «природа и природные явления Австралии»): автореферат дис...канд. фил. наук / О.Б. Назарова. – М., 2008.
4. Ощепкова, В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В.В. Ощепкова. – М.: «Глосса-Пресс», СПб.: «Каро», 2004
5. Файзуллина, Р. Национальный колорит и художественный перевод / Р. Файзуллина, – Ташкент: НАН, 1979.
6. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь: под ред. В.Н. Ярцевой – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 688 с.

Материал поступил в редакцию 05.02.18.

TOPONYMIC DIVERSITY OF AUSTRALIAN CONTINENT

O.O. Kirillova, Candidate of Culturology, Associate Professor
M.V. Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract. *The article presents an overview of Australia's multi-functional toponyms in diachronic and synchronic aspects. The paramount task of this study is to describe the main phenomena of the toponymic system: from the actual toponyms and to the nicknames and phraseological units formed from them. Multifunctionality of place names is considered on the example of cities, states and continent of Australia.*

Keywords: *toponyms of Australia, toponyms-homonyms, toponyms-synonyms, toponymic nicknames, toponymic phraseological units.*

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 2 (14), март / 2018

Адрес редакции:
Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»
Адрес типографии:
Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель: ООО Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 16.03.2018 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 20. Свободная цена. Тираж 100.